

НИКТО, КРОМЕ НАС!

СПЕЦНАЗ
ВДВ

АРМЕЙСКАЯ ЗАПОВЕДЬ

★ **Сергей АЛТЫНОВ** ★

Сергей Алтынов
Армейская заповедь

«ЭКСМО»

Алтынов С. Е.

Армейская заповедь / С. Е. Алтынов — «Эксмо»,

Была бы это шутка – то оскорбительная и жестокая. Но все очень серьезно. Против офицера разведки ВДВ Александра Гриднева сфабриковано уголовное дело, ему «шьют» двойное убийство. Таким подлым способом преступные генералы, занимающиеся нелегальной продажей оружия, пытаются отвести от себя подозрения. Хорошо, что у Саши есть верные друзья, связанные армейской заповедью: «Сам погибай, а товарища выручай». Отчаянные парни освобождают своего боевого товарища, правда, команда попадает в ловушку, из которой простому смертному ни за что не выбраться. Но троица верных друзей – спецназ ВДВ, а это много значит...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	29
Глава 5	33
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Алтынов

Армейская заповедь

*Когда мы на землю опустимся с гор,
Когда замолчат автоматы,
Когда отпылает последний костер,
Какими мы станем, ребята?*

Игорь Морозов, поэт и автор песен, ветеран боевых действий в Афганистане

Пролог

Кафе отличалось скромностью и уютom. В этот утренний час посетителей было немного. Катя открыла блокнот и сделала пару набросков. Основная сцена – встреча главных героев ее будущего фильма должна происходить в правом углу возле бутафорской пальмы. Пожалуй, пальму лучше отодвинуть. Рисовать дерево Катя не стала. Где будет установлена камера и как она должна будет показать главных героев? Неплохо было бы положить рельсы и снять общие планы движущейся камерой. Однако денег ни на рельсы, ни на кран в микроскопическом бюджете короткометражной дипломной картины не было. Начинающие актеры работали за символическую плату. Хорошо еще, что так повезло с натурой: кафе принадлежало Катинной школьной подруге, серебряной медалистке Мироновой. Не нужно было платить за аренду помещения. Правда, на все про все Миронова давала Кате полтора часа, не больше. Спасибо и на том.

Катя схематично изобразила немногочисленных посетителей. В нескольких метрах от нее негромко о чем-то беседовали высокий худой мужчина лет сорока пяти, одетый в дорогой костюм, и совсем молодой парнишка с вихрастой, небрежно уложенной прической. Его лицо показалось Кате знакомым, однако вспомнить, где она могла с ним встречаться, девушка не сумела. Это неудивительно – молодой режиссер ежедневно встречается с множеством самых разных людей. Рядом с барной стойкой расположился какой-то наглый типчик довольно бандитского вида. Коротко стриженный, с острыми кабаньими глазками, он восседал в компании сразу двух девиц, чья внешность не оставляла сомнений, каким родом занятий зарабатывают они на хлеб с маслом. При этом типчик бесцеремонно поглядывал на Катю, то и дело дергая небритым подбородком. Нет, таких персонажей в Катином фильме быть не должно, поэтому рисовать это «трио» она не стала. А вот одинокий мужчина, сидящий через два столика от входа, вполне мог бы стать одним из Катиных героев. Он явно выше среднего роста, с длинными темно-русыми волосами и тонкими пальцами музыканта или художника. Только вот лицо... Приятное, даже красивое, но с парой страшных рубцов-шрамов с левой стороны. Автокатастрофа? Драма на почве любовного треугольника? Что-то другое? Катя непроизвольно стала мысленно импровизировать, кем бы мог оказаться этот молодой человек со шрамами и божественной (ну явно божественной!) внешностью. А он при этом даже не посмотрел в ее сторону. Ни разу. И вообще, несмотря на расслабленный вид, во всей его худощавой, спортивной фигуре чувствовалось напряжение. Он пил минеральную воду и, казалось, кого-то ждал. Да, точно так и в Катином сценарии! Она перевернула страницу блокнота и на чистом листе стала набрасывать худое незаурядное лицо с двумя шрамами.

В это время со стороны входа слышались громкие шаги, точно в кафе вошел солдатский взвод. Катя нехотя подняла глаза от своего незаконченного рисунка – и в то же мгновение слышался оглушительный голос-рык:

– Всем оставаться на местах! Работает СОБР! Не двигаться!

И Катя увидела перед собой то, что пресса обычно именуется «маски-шоу». Пятеро автоматчиков в защитном армейском камуфляже и в полумасках, скрывающих их лица, быстро переместились к одной из стен помещения.

– Приготовить документы! Резких движений не делать! – Старший выразительно обвел автоматным стволом посетителей.

Между тем двое его подручных оказались рядом с наглым типчиком, выдернули его из-за стола, заломили руки...

– Здорово, Бура! – произнес старший, подойдя вплотную к типчику, поставленному на четвереньки.

– Вы кто, пацаны? – хрипло спросил тот.

– Милиция, не видишь разве! – усмехнулся старший. – Давно тебя ищем, пошли.

Его подчиненные подхватили Буру под руки, поставили на ноги и собирались было уже вывести его из кафе, но тот вдруг рывком высвободился от их захвата и прыгнул на один из пустующих столов.

– Господа-братва-товарищи! – завопил он. – Чистый я, а это не менты! Они меня завалить хотят! Не дайте сгинуть, братва-товарищи!

В числе «братвы-товарищей» оказалась и Катя, но как не дать этому Буре сгинуть, она не представляла. Между тем старший одним рывком сдернул «чистого Буру» со стола и вновь заломил ему руки за спину.

– Убивают, люди добрые! – истошно завопил тот. – Средь бела дня валят...

Катя заметила, что парень со шрамами убрал обе руки под стол. Стоявший рядом с ним автоматчик тут же направил на него оружие:

– Руки обратно!

Парень со шрамами усмехнулся, неторопливо выполнил команду. Старший пинками волочил стонущего многокилограммового Буру к выходу. Катя неожиданно для себя уронила ручку и блокнот. К ней повернулись сразу двое автоматчиков, и тут...

Катю точно ударили по ушам. Стреляли откуда-то сбоку, кажется, из-за барной стойки. Бойцы милиции попадали на пол и открыли ответный огонь. Старший отшвырнул Буру в сторону, произвел два одиночных выстрела. Со стороны барной стойки вылетел какой-то небольшой предмет и упал всего в нескольких метрах от Кати. Неискушенная в военных делах, она тем не менее сообразила, что это не что иное, как граната. И тут же, прикрыв руками голову, упала на пол. Граната грохнула не так оглушительно, как выстрелы, но все помещение окутал густой зловонный дым. Стрельба возобновилась. Катя ничего не видела, так как лежала, уткнувшись лицом в пол. Выстрелы грохотали минуту. Может, меньше, может, больше. Потом все стихло. Едкий противный дым лез в нос, дышать было тяжело, но подняться Катя не решилась. Так она пролежала довольно долго, пока ее не подняли двое в милицейской форме:

– Девушка, вы ранены?

– Нет, – стуча зубами, ответила Катя.

– Показания дать сможете? – спросил средних лет сидящий мужчина в штатском.

– С-смогу, – произнесла Катя.

– Тогда поднимайтесь, и пройдем в кабинет администратора.

Она взяла себя в руки, привела свою прическу в относительный порядок и направилась в кабинет администратора. Проходя меж перевернутых столов и стульев, Катя увидела, что на полу неподвижно лежат двое. Немолодой высокий мужчина в дорогом костюме и тот вихрастый парень, чье лицо показалось Кате знакомым. Чуть в стороне от них лежало безжизненное

тело одного из «масок». Двое в белых халатах, видимо, медики, угрюмо писали что-то в своих документах.

– Они сказали, что... Одним словом, что они – СОБР, – Катя старалась преодолеть сумятицу в мыслях.

– Это не СОБР, – поморщившись, ответил седеющий, представившийся Алексеем Петровичем. – А это ваши рисунки и записи?

Надо же. Оперативники первым делом подняли ее блокнот, а потом стали приводить в чувство саму Катю.

– Да, я сейчас объясню. Дело в том, что я собираюсь снимать в этом кафе дипломный фильм. Владелица кафе – Нелли Миронова, моя школьная подруга...

– Нелли Владимировна сейчас придет, – не очень вежливо перебил Катю второй оперативник, более молодой и вычурно, по-пижонски одетый. – У вас есть какие-нибудь документы?

Катя молча протянула пижонскому мальчику красную книжицу.

– Союз кинематографистов, – вслух прочитал молодой опер. – Терентьева Екатерина Анатольевна, студентка Высших курсов сценаристов и режиссеров при Госкино. Что скажешь, Леша?

Седеющий Леша был лет на пятнадцать, если не больше, старше пижона, тем не менее «мальчик» обращался к нему довольно фамильярно – наверное, был старше по званию, подумала Катя.

– Так вы студентка режиссерских курсов, – подвел итог Алексей. – Рисуете прилично... Это кто? – ткнул он пальцем в портрет молодого мужчины со шрамами.

– Один из посетителей, – ответила Катя и отчего-то сразу погрузилась.

– Почему вы его нарисовали? – спросил пижон.

– Я часто рисую людей с характерной, необычной внешностью, – честно ответила Катя.

– А погибших вы знали?

– Нет, даже особого внимания не обратила.

– Видите ли, Катя... Извините, Екатерина Анатольевна, – задумчиво проговорил Алексей. – Погиб известный журналист Роман Нечаев. Знаете такого?

«Точно! Роман Нечаев!» – Катя вспомнила, почему ей показался знакомым вихрастый пацан. Молодой журналист, занимающийся сенсационными расследованиями. Видела по телевизору, и еще был портрет в журнале и интервью.

– Знаю, – кивнула Катя. – А второй?

– Второй тоже известен... В определенных кругах, – ответил Алексей Петрович. – Свидетели показали, что в них стрелял вот этот человек, – оперативник положил ладонь на нарисованный Катей портрет.

– Нет, – покачала головой девушка, – он не мог. У него не было оружия. Один из этих, в масках, приказал ему положить руки на стол.

– Вы нас будете учить раскрывать преступления? – подал голос пижон. – Журналист и его собеседник были убиты очередью из пистолет-пулемета. И стрелял этот ваш... С характерной внешностью.

Катя хотела было ответить, что «этот ваш» не имеет к ней отношения, но тут в кабинет без стука ввалился здоровенный амбал в штатском.

– Леша, Дэн! – Вошедший торжествуя оглядел присутствующих. – Не поверите – взяли!

– Что?! – почти в один голос спросили оба оперативника.

– В соседнем сквере. По свидетельским показаниям. Сопротивления, сами понимаете, оказать не успел, – амбал расправил свои плечи и лихо ударил кулаком по собственной ладони.

– Он? – Пижонистый Дэн схватил Катин рисунок и показал амбалу.

- Точно, – удивленно проговорил тот, но уточнять ничего не стал.
- Введи сюда, – произнес Алексей Петрович.

Не прошло и трех минут, как перед Катей стоял тот самый богемный молодой человек с двумя шрамами. Руки, которые могли принадлежать пианисту или скульптору, сейчас были скованы наручниками.

- Он открыл стрельбу? – задал вопрос Дэн.
- Нет, – твердо произнесла девушка.
- Как не он? – недобро отозвался молчавший до сей поры амбал.
- Не он. Я уверена, – с той же твердостью в голосе повторила Катя.
- Эй, слушай! – Амбал пошел напролом. – У нас есть показания других свидетелей.

Лучше будет, девушка, если ты тоже подпишешь протокол опознания.

- И свидетельские показания, – более вежливо добавил Дэн.
- Подождите, ребята, – вставил свое слово Алексей Петрович. – Вы ведь, Катя, могли не видеть... Ну, не заметить, как этот мужчина стрелял. Так и скажите.

- Нет, я утверждаю, – мотнула головой Катя, – Отдайте, пожалуйста, мои рисунки.

Дэн небрежно протянул ей блокнот.

- Вы сказали, что он стрелял из пулемета? Так?! – пошла в наступление Катя.

– Из пистолет-пулемета, – уточнил Алексей. – Такая компактная вещь, к вашему сведению, вполне может быть спрятана под одеждой.

– Понятно, – кивнула Катя, убрав блокнот с рисунками в сумочку. – Простите, я плохо себя чувствую. Мне сейчас нужно отдохнуть...

– Хорошо. Завтра днем приедете по этому адресу, – Алексей Петрович протянул девушке визитку. – Спросите майора Астафьева, это буду я, – пояснил оперативник. – Или старшего лейтенанта Островного, это, стало быть, он, – Астафьев кивнул в сторону криво усмехнувшегося пижонистого Дэна.

«Старший лейтенант, а с седым майором говорит точно полковник», – неприязненно думала о Дэне Катя по пути домой. От происшедших событий у нее шла кругом голова. События плохо укладывались в какую-либо логическую цепь. СОБР, взрыв дымовой гранаты, журналист Нечаев, киллер, взятый в двух шагах от места преступления... Но одно для Кати было очевидно: парень со шрамами никак не мог стрелять в журналиста и его спутника. И она сумеет это доказать. Быстро ориентироваться в ситуации и принимать нужные решения без пяти минут выпускница режиссерских курсов Терентьева умела. Без этих качеств стать хорошим постановщиком было немыслимо.

Часть первая

Глава 1

На войне события и люди воспринимаются иначе, чем в мирной жизни. Подполковник Водорезов, командир отдельной роты специальной разведки ВДВ, привык к тому, что в последнее время люди в основном воспринимаются как цели. Цель бывает опасной, бывает неопасной. Может быть потенциально опасной. Четверо неторопливо выбрались из машины. В руках ничего не было, и Водорезов автоматически оценил их как неопасные цели. Хотя, не к случаю будет сказано, самые неопасные цели – это трупы. Впрочем, даже их на сегодняшний день исхитряются минировать. Такого не было ни в Африке, ни в Боснии, где он бывал в спецкомандировках. Говорят, не было и в ДРА¹, где тридцатишестилетний подполковник не успел побывать по возрасту... Люди, стоявшие сейчас перед Водорезовым с вытянутыми вверх руками, могли оказаться кем угодно. Стандартная разведгруппа – двое мужчин (один совсем молодой пацан лет шестнадцати), пожилая женщина и старик для прикрытия. Может, конечно, это и не разведгруппа, а мирные землешапы, учительница и директор школы из соседнего района. Именно так они и представились. Однако сейчас у Николая не было оснований доверять даже придорожным булыжникам. Вчера вечером Водорезов чуть не потерял своего взводного, и теперь его очень интересовало, кто организовал засаду. Поэтому он, подполковник ВДВ, выполнял сегодня функции фээсбэшников и милиции.

Накануне случилось следующее. На часах Водорезова было около половины девятого. По сторонам от освещенной ближними фарами дороги – темная безлунная ночь. Грузовой автомобиль ехал с пустым кузовом, а в его кабине сидели сам подполковник, взводный Стас Тимофеев и водитель-контрактник Юра. Откуда они возвращались к месту дислокации своего разведподразделения, знать положено было немногим. Вооружены были пистолетами Стечкина и автоматами «АКМС» и «АКС-74У». Грузовик двигался со скоростью около тридцати километров в час. Николай допускал, что боевики охотились не конкретно за ними, а попросту имели намерение захватить или уничтожить технику ненавистных федералов. Как стало потом понятно, боевой порядок засады состоял из двух подгрупп – огневой и захвата. Гранатометчик выбрал позицию на левой стороне дороги по ходу движения объекта. Остальные бойцы огневой подгруппы расположились на средних размеров холмике справа от шоссе. Их замысел был ясен и прост: сблизиться с машиной федералов, заставить ее остановиться, подавить возможное сопротивление. А затем осуществить захват пленных и трофеев силами подгруппы захвата. Боевики оказались лихими ребятами, их было человек пять-шесть, никак не больше. Из вооружения – «АК-74» и подствольный гранатомет «ГП-25». Но одной лихости недостаточно. Гранатометчик жажнул по грузовику метров с десяти, граната пробила козырек кабины над головой водителя Юры, но не взорвалась – видимо, не встала на боевой взвод, но Юра получил касательное ранение головы, на пару секунд потерял сознание и отпустил педаль газа. Мотор заглох, автомобиль остановился. Выстрел гранатомета послужил сигналом для огневой подгруппы – те открыли фронтальный огонь. Однако в тот вечер фортуна улыбнулась Водорезову и его ребятам. Гранатометчик не сумел точно прицелиться, так как был ослеплен фарами. Ко всему прочему, он подошел слишком близко и не сумел вовремя выстрелить. Не ставшая на боевой взвод граната пробила козырек кабины над головой водителя и разрушилась от удара. Когда автомобиль остановился, Николаю не оставалось ничего иного, как первым выскочить

¹ ДРА – Демократическая Республика Афганистан.

из машины и открыть огонь по четырем силуэтам, которые он исхитрился разглядеть на кургане. Юра, несмотря на ранение, сумел последовать примеру командира и занял боевую позицию за колесом грузовика. Его целью были также нападавшие с фронта. Самый лихой боевик сумел подбежать к автомобилю сзади и стал бросать в кузов ручные осколочные гранаты. Судя по всему, он был уверен, что кузов не пустой. Однако и здесь фортуна улыбнулась десанникам. Две гранаты отскочили от опущенного тента и разорвались на земле. Николай к тому времени повернулся к тылу, без труда обнаружил неудачливого гранатометателя и открыл по нему огонь. Третью гранату боевик бросить не успел. Лейтенант Тимофеев залег за левым передним колесом и выпустил длинную очередь по нападавшим. Ответом Стасу был огонь из автоматов и подствольного гранатомета. Стас рванулся к придорожной траншее, как к более надежному укрытию, но в это мгновение в метре от него разорвалась осколочная граната «ВОГ-25». Лейтенант не успел даже вскрикнуть. Изрешеченный многочисленными осколками, он рухнул в какой-то паре метров от спасительной траншеи. Николай, в свою очередь, бросил гранату в сторону кургана, а сам бросился к Стасу. Водорезову удалось затащить его в траншею и укрыться там самому. На некоторое время наступило затишье. До Водорезова со Стасом сумел добраться и легко раненный Юра. Все трое сумели скрытно отойти на пустырь, где оказали раненому Тимофееву посильную медпомощь. Минут через пятнадцать стало ясно, что боевики поспешно покинули место боя. Тщательно укрыв Стаса в заросшем бурьяном окопе, десантники двинулись в ближайший населенный пункт. Не прошло и четверти часа, как Тимофеев был эвакуирован подошедшим спецподразделением и доставлен в ближайший госпиталь.

Подполковник Водорезов не очень любил, когда в него и вверенных ему бойцов стреляли, поэтому сегодня ему и пришлось лично стать старшим на блокпосту.

– Что преподаете? – спросил Николай учительницу.

– Литературу, – ответила та.

– «Мой дядя самых честных правил...» – произнес Водорезов, возвращая женщине ее вроде бы не липовые документы. – Так, кажется, начинается «Евгений Онегин»?

– Плохо литературу учили, товарищ военный, – незло и без ехидства усмехнулась женщина. – «Не мысля гордый свет забавить, вниманье дружбы возлюбя...»

– «Хотел бы я тебе представить залог достойнее тебя», – закончил Николай вместе с женщиной.

Глаза женщины стали грустными, да и Водорезова охватило невеселое настроение. Встреться они лет эдак восемнадцать назад – и он, возможно, был бы ее любимым учеником.

– Ребята, подойдите сюда, пожалуйста! – обратился Николай к двум молодым мужчинам.

Пожалуй, впервые за обе чеченские кампании подполковник произнес слово «пожалуйста». Как говорится, ай да Пушкин...

– Закатай брючины выше колен, – уже без всякого «пожалуйста» скомандовал Николай.

Бойцы ВДВ тут же отошли на некоторое расстояние от машины. Теперь они контролировали не только шоссе, но и близлежащий холм, на котором весьма удобно было организовать огневую точку.

– Ты тоже, – Водорезов сделал властный жест в сторону замешкавшегося второго.

Шестеро остальных десантников контролировали каждое движение задержанных. Те без спешки, но и без особых промедлений выполняли между тем сказанное Николаем. У того, что постарше, колени чистые, без профессиональных отметин гранатометчиков. А вот у молодого заметная ссадина. Такая, правда, может быть и от работ в огороде – упал, задел обо что-то. Быстрым движением Николай пригнул стриженую голову парня, проверив тем самым, нет ли небольших ожогов за ушами. Такие следы бывают у молодых боевиков после стрелковых упражнений. Нет, ожогов не наблюдается. Лишь тогда Водорезов принял решение отпустить учителей и ремонтников, нанятых для подготовки школы к новому учебному году. Пусть благодарят Александра Сергеевича...

Не прошло и пятнадцати минут, как около десантного блокпоста затормозила «таблетка»². Бойцы тут же взяли ее в плотное кольцо. Однако появившийся из нее круглолицый улыбочивый офицер дал Водорезову право командовать «вольно».

– Не ждал? Ну, здорово! – протянул Николаю ладонь круглолицый.

– Привет, Дима! – отозвался Водорезов. – В самом деле, не ждал. Ты ведь в Москве, в центральном аппарате? Здесь, разумеется, не на отдыхе?

– Стреляли, – в духе Саида-Мишулина из «Белого солнца» ответил Дима. – Между прочим, можешь кончать свою самодеятельность, – кивнув на блокпост, продолжил Дима. – Взяли тех, кто вчера обстрелял вас.

– И кто же?

– Пацаны. Самому старшему двадцать один, самому младшему пятнадцать.

«М-да. Не знаешь, что и ответить, – невесело усмехнулся про себя Водорезов. – Героически отбили нападение птенчиков. Птенчики те, правда, не в соловьев и не в соек вырастут, а как минимум в ястребов. Впрочем, не все. Трех уложили навечно...»

– Если бы по кабине открыли синхронный залповый огонь из автоматов, то мы бы сейчас не беседовали, – произнес Николай.

В самом деле – благодаря такой оплошности Водорезов и его бойцы сумели вовремя покинуть кабину и открыть огонь. Тот же, что с тыла, оказался излишне лихим. Действовал в одиночку, без прикрытия. Выскочив из арыка, он тут же попал в зону огня, который вел Николай, и был убит... «Евгения Онегина» он вряд ли читал и уже никогда не прочитает.

– Я ведь по другому вопросу к тебе, Коля, – чуть понизив голос, произнес Дмитрий. – Поедем со мной, разговор серьезный.

Дима Шумилов – майор ФСБ, старший оперуполномоченный военной контрразведки. Водорезова с ним связывала давняя, проверенная годами дружба. А познакомились они в Рязанском училище ВДВ, у дверей приемной комиссии. Обоим в категоричной форме было отказано в зачислении. Николая забраковали из-за роста (у гвардейца-десантника он должен был быть никак не ниже 175 см), а у Димы обнаружились какие-то незначительные хрипы в легких. Тем не менее полковник из приемной комиссии порекомендовал им обоим поступить в Коломенское артиллерийское училище, где имелся собственный факультет ВДВ, но ограничения там были не столь суровыми. По окончании училища Николай попал в спецразведку ВДВ, а Дима наоборот – на курсы армейских контрразведчиков. Фамилии своей Шумилов никак не соответствовал – голос у него тихий и вежливый, и вообще Дима был не слишком приметен и словоохотлив, как и подобает офицеру контрразведки.

... «Таблетка» подъехала к охраняемому тройным кольцом, без вывески, двухэтажному особняку. Николай и Дима вдвоем, без сопровождающих, поднялись на второй этаж. Шумилов запер дверь на ключ и положил перед Водорезовым средних размеров цветной фотопортрет.

– Знаком?

Подполковник кивнул. Парень на фотографии был не кем иным, как Сашей Гридневым. Вместе с ним Николай топтал просторы Африки, Югославии и Таджикистана. Иной раз Водорезов без него был как без рук. Саша был штатным переводчиком в подразделении.

– Уволился из войск по ранению, работал переводчиком с восточных языков в одной фирме, – спокойным размеренным тоном заговорил Дима. – Вчера... был арестован по обвинению в убийстве журналиста Нечаева и полковника Рудакова из главного штаба ВДВ.

– Что?! – чуть ли не воскликнул Николай.

– Убил якобы на почве неприязненных отношений, – внес последнее пояснение Шумилов.

² Таблетка (арм. сленг) – армейский автомобиль «УАЗ-452».

Рудаков, полковник. Высокий, болезненно худой язвенник. Водорезов помнил его. Как и они с Дмитрием, тот закончил Коломенское артиллерийское, факультет ВДВ. Только на три года раньше. Затем служил в техническом батальоне. Помнил Николай и Нечаева. Кажется, Ромой его зовут, точнее, звали... Много писал на армейскую тематику, за дешевыми сенсациями не гнался. Войсковых ребят зазря не порочил, но материалы всегда делал интересные и, в общем, правдивые... Ничего конкретного более не вспоминалось.

– Нечаев вел журналистское расследование, – продолжил Дмитрий, – о коррупции среди высшего генералитета и незаконной торговле оружием. У него был свой информатор в штабе наших родных войск.

– Рудаков? – переспросил Водорезов.

– Да... Но самое интересное, что параллельное расследование вела оперативная группа ФСБ под моим руководством. И наши данные во многом совпадали с нечаевскими.

– А что Гриднев?

– Гриднев схвачен на месте преступления. Милиция иногда работает весьма оперативно.

– Что же, выходит, Сашка их обоих, среди бела дня?!

– У ментов выходит именно так. История запутанная. – Дима отвернулся к занавешенному окну, выдержал паузу. – Очень запутанная, – повторил он. – И мне нужна твоя помощь.

За помощью к подполковнику спецразведки ВДВ Дима обращался крайне редко. Сегодня второй раз.

– В Москву придется ехать? – спросил, чуть помолчав, Водорезов.

– Так точно. С твоим командованием вопрос будет решен. – Дима, в свою очередь, выждал паузу, потом добавил: – Помню, как ты еще во время первой чеченской произнес: – «Хотел бы я знать, откуда у „духов“ новые, точно только с завода, гранатометы, инфракрасные binokли, не говоря уж об „АКСах“...» Теперь узнаешь.

– Когда в Москву?

– Сегодня. Вот билет!

Что ни говори, Димкина контора работала оперативно.

По дороге в аэропорт Николай вспоминал, как два года назад, когда он служил в Грозненской комендатуре, один добрый дедушка, торгующий на базаре, негромко прошептал ему:

– Один на базар не ходи. А лучше вообще уезжай отсюда. Большие деньги за твою голову дают.

Тогда Водорезов лишь вздохнул и также вполголоса поблагодарил старика. С того момента целых два года «духи» безуспешно гонялись за головой Николая. Интересно, что ждет подполковника в Москве? Как зона боевых действий столица для Водорезова непривычна. Да и не будет их, действий боевых. Того же Сашку Гриднева не в бою в плен взяли... Но противник в столице не менее опасный, чем в Чечне. Если не более. Между тем в голове у Николая сейчас вертелось начало первой онегинской главы. Главы, а не пролога, который ему процитировала чеченская учительница. «Мой дядя самых честных правил...» Самых честных. Знал Николай еще одного дядю, который самых честных не только правил, но еще и увольнял со службы. А еще один дядя не только увольнял, но и сажал лет эдак на восемь с конфискацией. Некоторое время тому назад существовал дяденька, который расстреливал или высылал без права переписки. Самых честных.

Будем надеяться, что разведчиков ВДВ нашему «дяде» «подправить» будет не так то просто.

Николай Водорезов.

(пара штрихов к портрету)

По-разному расшифровываются три буквы, обозначающие войска, с которыми связал свою жизнь Николай. Например – Возможны Двести Вариантов. Или – Войска Дяди Васи,

в честь основателя десантных войск в их нынешнем виде, генерала Василия Маргелова. Но самая точная расшифровка – Войска Для Войны. Где только русские десантники не отметились? Афганистан, та же Африка, кое-кто во Вьетнаме инструктором успел побывать, далее по нарастающей – Приднестровье, Югославия, Абхазия, Чечня... Среди офицеров и прапорщиков есть такие, кто все «точки» прошел. Николая обошли Приднестровье и Абхазия. А вот в Афганистане сумел побывать уже после официального вывода наших войск. Еще до Африки. Это был август 92-го, и его первая боевая операция. Обычный будничным день, боевая учеба, стрельбы. Вдруг приказ: «Приготовиться к вылету!» Сперва все думали, обычный учебный вылет с десантированием. Но уже в воздухе стало ясно – вылет отнюдь не учебный. Николай Водорезов – новоиспеченный старший лейтенант, комвзвода. У его подчиненных боевого опыта не больше, чем у взводного. Однако держались все боевито. Между тем три «Ила-76» берут курс на Кабул. Целью полета, как объяснил, с трудом перекрывая шум авиадвигателей, замполит, была эвакуация российского посольства из столицы Афганистана, находившейся в кольце войск оппозиции. Тот же замполит и успокоил – на время эвакуации заключено перемирие, особых сложностей не предвидится. Когда «Ил» приземлился на расположенном среди гор аэродроме, Водорезова (как и многих других ребят) поразили две вещи – красота и тишина. Однако времени на созерцание восточных красот десанникам отпущено не было. В сопровождении двух взводов, верных осажденному афганскому правительству, к прибывшим самолетам подошел транспорт с работниками посольства, членами их семей, а также контейнеры с имуществом. Казалось бы, всего делов – загрузить посольских в российские «Илы» и взлететь. На все про все минут десять, от силы двенадцать. Но не прошло и этих злосчастных десяти минут, как восточная красота ощерилась, а тишина взорвалась автоматными очередями. Потом всем стало ясно, что оппозиция никак не могла себе позволить упустить последнюю возможность отомстить ненавистным «шурави», то есть русским десанникам. И на перемирие они, как говорится... Так Водорезов и его взвод приняли боевое крещение. Моджахеды готовились к этой акции, ко всему прочему, они хорошо знали здешние места, а территория аэродрома была ими заранее пристреляна. Бойцам же спецназа ВДВ пришлось не только вести оборону, но и производить погрузку. Перепуганные «гражданские», дипломаты были скорее помехой, чем подмогой. В первую очередь моджахеды (ох, не дураками они оказались!) пытались вывести из строя десантную авиацию. После попадания снаряда в бензобак один из «Илов» сгорел за считанные минуты...

Как проходил бой, сегодня Водорезов вспоминал с трудом. Он помнил, как вытаскивал раненого сержанта, своего заместителя, помнил, как с тремя солдатами прикрывал женщину и трех «посольских» пацанов, которые отбились от взрослых в горячке боя. Помнил летящие над самой головой осколки и дымовую завесу от догорающего «Ила». Так или иначе, но после всего этого десанникам-спецназовцам было сказано, что они не спасовали. Действовали так, будто этот бой был не первым и подобные передраги дело вполне привычное. Наверное, Павел Сергеевич Грачев, тогдашний министр обороны и бывший главком ВДВ, сказавший им эти слова, был прав. Все попытки моджахедов пробиться к уцелевшим самолетам были отбиты. На некоторое время моджахеды затаились, и бойцам вполне хватило этого затишья, чтобы завершить погрузку. Самолеты поднялись в воздух. Было ли молодому взводному тогда страшно? Сложный вопрос. Командир на такие чувства в боевых условиях не имеет права... Если по совести, во время боя было не до того, а вот во время взлета, когда громадные, но беспомощные перед душманскими «Стингерами» «Илы» взмыли в воздух и стали замечательными мишенями... пробивала дрожь, пробивала... В этом Водорезов честно признался потом самому себе. Один выстрел – и братская могила, до которой близким не добраться. И еще один раз дрожь пробилась – уже после приземления в Термезе. Оказалось, что «Ил», в котором находился он с бойцами взвода, сел не на шасси, а на брюхо. Шасси душманы покалечили основательно. Как их «Ил» не развалился при посадке, Николай удивлялся до сих пор!

Тогда Водорезов (как и все участники операции) был представлен к правительственной награде. Потом была Африка, Югославия, Чечня, Таджикистан, опять Чечня...

Глава 2

«Единственная моя просьба – не разглашать моего имени и звания. Боюсь не столько за себя, сколько за свою семью. Оказаться в тюрьме не самое страшное, что может быть. Но молчать больше не могу. Обидно, когда российский военнослужащий становится не нужным собственному отечеству...»

Так начиналась статья погибшего Романа Нечаева. Далее шло его авторское пояснение: «Так начал свой рассказ взволнованный посетитель, лично пришедший в нашу редакцию. Он – ветеран не одного локального конфликта, орденоносец...» На этом предполагаемая статья обрывалась. Майор Астафьев лишь тяжело вздохнул. Кто этот орденоносец? Возможно, погибший Рудаков. Ну да, для начала будем исходить из этого. Утром Астафьев имел возможность ознакомиться с содержимым нечаевского ноутбука. «Военнослужащий становится не нужным собственному отечеству...» – этими словами кончались первые фразы последней, лишь начатой статьи.

– Гриднев застрелил Рудакова на почве неприязненных отношений, – прервал размышления Астафьева Островной. – Короче, из-за бабы. Следил-следил, а вчера сумел успешно воспользоваться моментом.

– Откуда в кафе взялся этот так называемый СОБР? – спросил Астафьев.

Островной пожал плечами.

– Выясним... Взяться-то он взялся, но никого не пристрелил, – ответил старший лейтенант.

– Вот это-то и непонятно, – отозвался Астафьев и, взглянув на часы, заметил: – Девушка должна бы уже подойти.

Из-за утренних пробок Катя опоздала почти на целый час. Будучи девушкой воспитанной, она извинилась, на что Островной лишь презрительно хмыкнул.

– Протокол опознания подписать не надумали? – убрав с лица усмешку, поинтересовался он.

– Нет, – холодно ответила Катя. – Более того – я принесла вам доказательства невиновности задержанного вами человека.

– Интересно, – чуть ли не присвистнул Астафьев.

Островной промолчал.

– Смотрите! – Катя протянула майору несколько отскерокопированных копий ее вчерашних рисунков.

Островной бросил снисходительный взгляд на общий план и портрет предполагаемого убийцы.

– И что? – спросил старший лейтенант.

– Сегодня в утренней прессе сказано, что Нечаев и его собеседник были убиты из пулемета. Вы, кстати говоря, вчера сказали мне то же самое.

– Именно так, – кивнул Островной.

– Так вот, вчера я не поленилась слазить в Интернет и собрала там кое-какую информацию о пулеметах. – Катя торжествующе оглядела присутствующих и продолжила: – Меня интересовали только их размеры. Догадываетесь, почему?

– Марининой начитались, – поставил диагноз майор Астафьев.

– Посмотрите на рисунки! – почти командным тоном произнесла Катя.

– Девушка, у нас очень мало времени! – в свою очередь, безапелляционным голосом проговорил Астафьев.

– Смотрите! – Девушка ткнула пальцем в рисунок с общим планом. – Зарисовка сделана мною с натуры. Посмотрите, я довольно тщательно изобразила этого вашего подозреваемого.

– А почему вы его так тщательно изобразили? – поинтересовался Дэн Островной.

– Он фактурный. Характерная, необычная внешность, я вам вчера говорила, – пояснила Катя и тут же перешла к портрету. – Здесь этот человек изображен почти по пояс, средний план. А теперь вопрос к вам, Алексей Петрович и...

– Денис Юрьевич, – кивнул Дэн.

– Где, по-вашему, этот убийца мог прятать пистолет-пулемет? – слегка прищурился, спросила Катя.

И Астафьев, и Дэн впелись глазами в Катини зарисовки. В самом деле – на первом было отчетливо видно, что у предполагаемого убийцы не было с собой ни сумки, ни свертка, в котором он мог спрятать компактный пистолет-пулемет. Конечно, чаще всего наемные убийцы прячут оружие под одеждой, но одет «киллер» был очень легко, по-летнему. И на первом, и, тем более, на втором рисунках было отчетливо видно, что легкая тенниска плотно облегает его худощавую фигуру, ко всему прочему, ворот был расстегнут.

– Вы так точно все изобразили?

– Да. Я ведь по первому образованию учитель черчения и рисования, – пояснила Катя.

– Это всего лишь картинка, – констатировал Астафьев. – Кстати, почему вы принесли нам копии, а не оригинал?

– Марининой начиталась! – ответила Катя словами самого майора. – Так, знаете ли, на всякий случай сделала копии...

– А оригиналы спрятаны в надежном месте? – усмехнулся Дэн.

– Совершенно верно, – кивнула Катя. – На них, между прочим, отпечатки ваших пальцев. Астафьев и Островной переглянулись, не сдерживая снисходительных усмешек.

– Копии подарите? – спросил майор.

– Сколько угодно.

– Спасибо, Екатерина Анатольевна, – произнес Астафьев. – А теперь посмотрите на эти снимки. Нет ли среди них того человека, за которым явился в кафе так называемый СОБР?

Протянутые майором фотографии Катя рассматривала менее минуты.

– Этот! – выбрала девушка одну из фотографий. – Да, точно!

Астафьев переглянулся с Островным.

– Бурмен? – уточнил у старшего коллеги Островной.

– Он же Бура, – кивнул майор. – Полгода назад откинулся с зоны и вроде бы сейчас был не при делах. Чем-то торговал. Вскорости мы с ним побеседуем... Интересно, кто «командовал» тем «СОБРОм»? – задал риторический вопрос Астафьев.

– Я же вам говорила – высокий такой, в маске. Глаза злые, – ответила Катя.

– Эх, Екатерина Анатольевна... Будь он маленьким, в колпачке и с добрыми синими глазами, нам проще было бы его найти, – только и произнес майор. – Спасибо за помощь, больше у нас вопросов нет.

Катя поднялась со своего места, хотела было направиться к двери, но не удержалась от последнего вопроса:

– А кто он? Этот задержанный?

– Подозреваемый? – без усмешки уточнил Дэн. – Должен вас разочаровать. Профессиональный убийца.

– Что?! – встрепенулась Катя.

– Бывший офицер спецназа ВДВ, – улыбнулся милой улыбкой Островной. – Там, знаете ли, других не держат.

Задавать вопросы Кате почему-то расхотелось. Она сдержанно попрощалась и покинула кабинет оперов.

– Палец в рот не клади, – проговорил Дэн, разглядывая в окно стройную, с короткой изящной прической, фигурку удаляющейся Кати. – Ничего стервочка. Как считаешь, Петрович?

– Могла бы у нас работать, – сухо ответил Астафьев.

Островной хотел было еще что-то добавить, но его остановил телефонный звонок с городского номера. Выслушав сказанное, Дэн повесил трубку и, повернувшись к Астафьеву, проговорил:

– Убит гражданин Парамонов. Он же Бура, он же Бурмен. Сегодня ночью. Восемь ножевых ранений. Группе захвата достался его остывший труп.

– Кафе «Шанс»? – переспросил Водорезов, рассматривая фотоизображение на мониторе Диминого компьютера.

– Да. Владелица некто Миронова Нелли Владимировна. Такая, знаешь ли, молоденькая бизнес-леди. Но она, скорее всего, ни при чем, – ответил Шумилов.

– Что мог делать Сашка в этом кафе? – Уже во второй раз Николай задал вслух этот довольно дурацкий вопрос, увеличивая на мониторе тот самый столик, за которым сидел Гриднев.

– Самое паскудное – несколько свидетелей его опознали, – произнес в ответ Шумилов.

– Сначала СОБР. Потом схватка с этим... Бурой. Потом стрельба. Три трупа. И схваченный по горячим следам Сашка.

– Ну, СОБРа никакого не было, – покачал головой Шумилов. – Тот «боец», которого завалили, оказался ранее дважды судимым «бомбардиром» из Подмосковья. Такие кадры в том «СОБРе». А Буру сегодня ночью прирезали.

– Ты уверен, что Нечаева и Рудакова убрали в связи с тайными поставками оружия?

Дима молча кивнул головой. Некоторое время оба просидели у компьютера, не произнося ни слова. Шумилов поселил Николая в двухкомнатной, довольно просторной квартире, недалеко от центра. Спал Водорезов сегодняшней ночью от силы часов пять, а под утро Дмитрий разбудил его и после скромного завтрака стал вводить в оперативно-боевую обстановку.

– Значит, твой человек в МВД говорит, что свидетели железно опознали Сашку как стрелявшего в Нечаева и полковника? – спросил Николай.

– Они подписали протокол опознания. Точнее, двое подписали, а третья наотрез отказалась. Какая-то девица. Ни фамилии, ни других данных выяснить пока не удалось. Более того. С ней какие-то серьезные проблемы.

– Что это значит?

– Опера, ведущие это дело, в хмуром настроении, когда говорят о ней.

– Неужели нельзя узнать, кто она? – укоризненно посмотрел Водорезов на приятеля-контрразведчика.

– Мой человек в состав следственно-оперативной группы не входит, – отвернувшись от монитора, проговорил Дмитрий. – Хорошо, хоть это сумел добыть. Заметь, всего за два дня... Он сообщил, правда, не очень уверенно, что эта свидетельница – подруга Мироновой, владелицы кафе.

– Я тебя понял, – кивнул Николай.

– Девушку надо найти как можно быстрее, – подвел итог майор Шумилов.

Найти, расспросить, узнать наверняка, сопоставить и проанализировать – такие задачи командир разведгруппы ВДВ решает регулярно. Подобные задачи Водорезов выполнял вполне сносно. Итак, владелица кафе. Миронова Нелли Владимировна. С помощью поисковой системы «рамблер» Водорезов нашел в Интернете пару страниц об этой «молоденькой бизнес-леди». Текста, собственно говоря, было немного, и он сообщал лишь адрес, время работы и

меню кафе «Шанс». О его владелице было сказано совсем мало – лишь имя, отчество, фамилия и служебный телефон. Зато на второй странице имелась большая цветная фотография Нелли Владимировны. Не юная, но довольно молодая особа царственной внешности. Оценивающий, умный взгляд небольших прищуренных глаз, точеные правильные черты лица, высокая, со вкусом и фантазией сделанная прическа, кольцо ручной работы, обрамляющее красивую шею. Платье облегалo полуоткрытые плечи, его было не очень-то видно, но оно тоже было явно не из дешевых. Молодая царица, никак не меньше. «Попробуй, найди с такой общий язык», – мысленно усмехнулся Водорезов, не без интереса разглядывая портрет бизнес-леди Мироновой. Роста она, скорее всего, немаленького, смотреть на подполковника Водорезова будет сверху вниз.

Глава 3

В кафе Николай прибыл около двенадцати часов утра.

– Нелли Владимировна сегодня в бассейне, – сообщила ему девушка-метрлотель.

– Солнце, воздух и вода – наши лучшие друзья, – произнес в ответ Водорезов. – Особенно в бассейне «Чайка».

Это было единственное название столичного бассейна, которое он помнил.

– Она не в «Чайке», она в «Садко». Новый, знаете, плавательно-оздоровительный комплекс, – поправила его девушка.

– Отсюда недалеко, – кивнул Николай, точно вспомнил адрес этого самого «Садко».

– Да, всего две троллейбусные остановки. Пешком быстрее, пробки, знаете ли, – улыбнулась девушка.

Пешком так пешком. Это значительно лучше, чем потеть в автобусных и автомобильных пробках. Сложится разговор с бизнес-леди? По совести сказать, Николай никогда не пользовался успехом у женщин. Главное, ему всегда нравились высокие крупные женщины. Не толстые, а именно крупные. Ну а в самом Николае всего метр шестьдесят пять, из-за чего Водорезова и не взяли в свое время в Рязанское командное. Внешние данные самые заурядные. Нос, губы, глаза – все средних размеров и ничем не выдающиеся. Плечи не узенькие, но и не сказать, что слишком широкие. Намеков на лысину пока не наблюдается, а вот седины уже предостаточно. Многие находили, что Николай выглядел куда моложе своих тридцати шести. Наверное, это скорее хорошо, чем плохо. Вообще-то говоря, профессия Водорезова (по мнению самого Николая) очень сходна с профессией актера. Разведчику спецназа ВДВ, как и актеру драмтеатра, приходится воплощать самые разные образы. Перед штурмом Грозного Водорезову с Сашкой пришлось изображать независимых журналистов из Польши. Именно так можно было войти в город и беспрепятственно осмотреть предстоящий театр военных действий. Сашка язык знал прилично, он в этом деле феномен. Волосы свои длинные заплел в косичку и превратился в суперлиберального репортера. Николай же сумел выучить лишь «прошэ», «дзеньку», «пшэпрашам, или бэдзе коштовало выслане тэго листу»³ и «прошэ о фляшкэ вутки»⁴. Сашка сказал, что Водорезову лучше говорить по-русски, но коверкая слова, вставляя в них при этом шипящие согласные. Благодаря этому совету разведмиссия была выполнена успешно. Находящиеся в Грозном боевики ни на секунду не усомнились в принадлежности Гриднева и Водорезова к польскому либеральному изданию, иначе их обоих в лучшем случае расстреляли.

Стоп!

Шаг Водорезов замедлять не стал. Оборачиваться тем более. В это мгновение Николаю стало окончательно ясно, что его «пасут». Выражаясь официальным языком, ведут за подполковником наружное наблюдение. И началось оно, как только Водорезов вышел из кафе «Шанс». Что ж, этого следовало ожидать. Водорезов применил старый, как мир, прием вычисления наблюдателя. На пару-тройку секунд остановился у витрины обувного магазина и заметил в стекольном отражении того, кто весьма ненавязчиво, но не сбиваясь с курса, следовал за ним. Мужик лет тридцати без особых примет, двигается неспешной походкой, стараясь не сближаться. Небрежным движением поднес кисть руки ко рту, тут же опустил. Разумеется, такой «хвост» нужен был Николаю как собаке пятая нога. «Хвосту» лучше всего отвалиться самому, рубить его средь бела дня – лишь создавать лишний шум. Не убыстряя шага, Водорезов свернул в арку проходного двора. На какое-то мгновение «хвост» потерял его из поля зрения, и тут Николай дал ходу, точно гепард. Во дворе он обнаружил то, что было ему столь

³ Будьте добры, сколько нужно заплатить за отправку этого письма? (польск.).

⁴ Бутылку водки, пожалуйста (польск.).

необходимо – высокое, толстое дерево с густой листвой. Всего несколько секунд понадобилось Водорезову, чтобы вскарабкаться на него и укрыться в листве. Сейчас его небольшой рост и вес идеально работали на подполковника. «Хвост» не заставил себя долго ждать. Оказавшись в нескольких метрах от дерева, он повел себя так, как и должен был вести себя оставленный с носом топтун. Из спокойного и невозмутимого мужчины он превратился в суетливого, мотающего из стороны в сторону головой субъекта. Топтун кинулся к первой же подъездной двери, но она оказалась с домофоном и кодовым замком. Оглядев еще раз весь двор, топтун сообщил, что так быстро миновать его и исчезнуть Водорезов бы не сумел. Тогда топтун вновь поднес ко рту кисть руки со скромным циферблатом. Не прошло и пятнадцати секунд, как во двор со всех возможных сторон стали стекаться такие же неприметные мужчины и одна молодая женщина. Сплоховавший топтун что-то быстро сказал им, и они вновь разошлись по всем возможным выходам со двора. Это уже серьезно. Не иначе как у Водорезова на хвосте оказалась какая-то серьезная «контора». Двое, в том числе сплоховавший топтун, остались во дворе, остальные скрылись. Спуститься незамеченным с дерева было для Николая теперь проблематично. К тому же оба филера зорко контролировали ту самую арку, что была в паре шагов от его убежища. Покинуть двор можно было только через нее. И тут на счастье Водорезова пришло спасение. Во двор через арку въехало такси и затормозило рядом с ближайшим подъездом. Шофер вышел из машины, оглядел номер подъезда, достал мобильный телефон и сообщил, что вызванное такси прибыло. Филеры бросили на такси беглый взгляд, но особого интереса оно у них не вызвало. У Николая было несколько секунд, и он воспользовался ими. Топтуны заинтересовались двумя парнями и их подругами, вышедшими из противоположного подъезда, и Водорезов сумел незамеченным соскочить с дерева. За спиной таксиста он вырос совершенно неожиданно.

– Поехали, – кивнул ему Николай.

Таксист, ничему не удивляясь, сел за руль.

– Спорткомплекс «Садко», – распорядился Водорезов, садясь рядом таким образом, чтобы массивная фигура водителя надежно закрыла его от топтунов.

– А говорили, «Шереметьево-2»? – переспросил таксист.

– А в «Шереметьево» – потом, – усмехнулся пассажир и подмигнул водителю: – Едем!

Тот лишь пожал плечами, и такси благополучно выехало со двора. Не прошло и пятнадцати минут, как оно остановилось у плавательно-оздоровительного комплекса «Садко». Заплатить Николаю пришлось не только за этот короткий путь, но и за вызов. Деньги он отдавал с некоторой тяжестью на сердце: кто-то, возможно, опоздает в «Шереметьево-2». Однако иного выхода у него не было. А «хвост», как и было задумано, отвалился сам собой, точно у ящерицы.

В «Садко» Водорезова, естественно, пускать за просто так не хотели. На этот случай Дима снабдил Николая расходными карманными финансами, поэтому, чуть поколебавшись, привратник вызвал администратора, и Водорезов был препровожден в шикарную раздевалку. Ему вручили запечатанные в стерильном пакете плавки, очки и шапочку и пожелали удачного времяпрепровождения.

В воду Николай вошел рыбкой, нырнув с небольшого трамплина. Проплыл метров пятьдесят по водной дорожке, затем повернул обратно. Плавать Николаю не приходилось давненько. В Чечне не очень-то поплаваешь. Там речки узенькие, быстрые и мелкие, с каменистым дном и ледяной водой. Выбравшись на бортик бассейна, Николай ненавязчиво огляделся вокруг. Женщину с лицом и осанкой молодой царицы он не увидел. Их, женщин, вообще было не очень много, человек шесть. Две сидели в креслах у самой воды и пили сок через тонкие розовые трубочки. Обе дамы были в теле, но не толстые. Остальные плавали, преимущественно у бортиков, и постоянно обменивались репликами между собой.

– Нелли! – услышал он голос одной из тех, что находилась в воде.

Одна из женщин, сидящих в кресле, повернула голову и что-то произнесла. Имя Нелли встречается не часто. Вне всяких сомнений, бизнес-леди Миронова перед Николаем. Ему ничего не оставалось, как направиться в сторону отдыхающих дам. Как с ними заговорить, Водорезов понятия не имел, но медлить, когда разыскиваемый объект перед самым носом, также было не в его характере. Придется ориентироваться по обстановке.

– И что он тебе сказал? – донесся до Николая приятный мягкий голос той, что звалась Нелли.

– Самое интересное, что ни-че-го! – разделяя последнее слово на выразительные слоги, ответила высокая девушка, вышедшая из воды.

– По-моему, он идиот, – вынесла свой вердикт Нелли.

Ее подруга недоуменно передернула мокрыми плечиками.

– Но не в смысле князь Мышкин, – пояснила Нелли.

Да, зубастая дамочка. Но совсем не похожа на свой портрет, который Николай нашел с помощью поисковой системы. От гордой царственной особы не осталось и следа. Сейчас перед ним была круглощекая, немного раскрасневшаяся девушка лет двадцати пяти, с гладкой прической из собранных на затылке каштановых волос. Она была очень похожа на пионервожатую в школе, к которой Водорезов испытал первые романтические чувства. Николай отметил, что у Нелли Владимировны крепкие ноги с мускулистыми ляжками и немаленький размер ступни. Он приблизился почти вплотную, и теперь ему надо было что-то сказать или сделать. Говорить было нечего, а сделать можно было только одно – демонстративно, рыбкой нырнуть в воду. Что он и сделал. Вынырнув, тут же вернулся обратно, к бортику, рядом с которым стояли кресла. И не ошибся, Нелли заговорила первая.

– Вы несколько грязно приняли старт, уважаемый, – произнесла она, когда Водорезов оказался рядом с ее крепкими ножками, обутыми в резиновые тапочки.

– Что вы говорите? – наигранно удивился тот.

– Да, да, – кивнула Нелли. – Тело должно быть полностью вытянуто и напряжено, а вы согнули колени. Со стороны это выглядит просто ужасно.

Самое интересное, что прыгать в воду Николай умел. Сейчас же он не только согнул колени, но и провалил спину. Она права – со стороны это выглядит как купание сельского алкаша.

– Вы правы, – отозвался Водорезов, – мне необходимо потренироваться.

– Тренируйтесь, – согласилась Нелли, – только где-нибудь вон там!

Она махнула рукой в противоположный край бассейна. М-да, барышня действительно с характером. Такая строгая и неприступная Нелли Владимировна. Ей бы еще пионерский галстук.

– Немедленно удаляюсь, – кивнул Николай. – Только... Может быть, вы покажете, как это правильно делается.

Нелли отставила в сторону недопитый стакан с соком, молча поднялась с кресла. Дальнейшее она проделала столь же молча и очень быстро. Нелли согнула ноги в коленях, наклонила туловище вперед. Затем сделала небольшой взмах руками назад и молниеносно вывела их вперед. В тот же момент она сильно оттолкнулась ногами от небольшого трамплина-тумбочки. Вперед Нелли прыгнула как можно дальше, и нехудое сильное ее тело было при этом максимально вытянуто и напряжено. В таком положении Нелли вошла в воду, изящно проскользила некоторое расстояние. Потом в движение пришли ее ноги, и Николаю осталось лишь созерцать ее розовые пятки.

– Признаю, мне до вас далеко! – проговорил Николай, когда Нелли вернулась на «сушу». – Пойду тренироваться.

Он вскочил на трамплин и проделал те же движения, что и бизнес-леди. На сей раз в воду Николай вошел по всем классическим правилам, максимально вытянув тело как в полете, так и при входе в воду. Теперь возвращаться он не торопился. К противоположному краю бассейна Николай двигался спортивным классическим кролем на груди, не переваливаясь при этом с одной стороны на другую. Оказавшись на противоположной стороне, он заметил, что подружки бизнес-леди собираются уходить. Нелли тоже поднялась со своего места, но не торопилась, точно ждала кого-то. Неужели своего способного ученика? Николай тут же повернул обратно, и на сей раз его кроль был куда быстрее.

– Наверное, я ваш лучший ученик, Нелли Владимировна, – проговорил он, выбравшись из воды.

Бизнес-леди с трудом скрыла удивление, но переспрашивать посчитала ниже своего достоинства. Без прически, изысканного макияжа и специально подобранного дорогого платья она выглядела совсем не так, как в фотоизображении. Без контактных линз небольшие глаза ее оказались серыми, а не синими, как на фотопортрете. Однако взгляд был тем же – умным и оценивающим.

– И кто вы, собственно говоря, такой? – без раздражения поинтересовалась Нелли.

Однако ее тонкие, красиво очерченные над маленькими глазами брови заметно нахмурились.

– Мои документы остались в раздевалке, – ответил Водорезов, – а на слово вы ведь не поверите?

– Почему же не поверить? – вполне дружелюбно отозвалась бизнес-леди.

– Нас ваша подруга знакомила. Мы вместе были в вашем кафе.

Нелли Владимировна еще больше прищурила и без того маленькие глазки. Они стали просто-таки пронизательными светлыми щелочками. Водорезов же, не дав ей произнести и слова, продолжил:

– Мы с ней вчера созвонились, она сказала, что в вашем кафе была какая-то перестрелка. Неужели правда?

– Не знаю, меня там в этот момент не было, – отозвалась Нелли, – Катька рассказывала, просто какой-то кошмар. И мебель с имуществом испортили.

Глаза ее потеплели, видно, Николаю удалось каким-то образом расположить ее к себе. «А подругу зовут Катя», – машинально отметил он.

– А у вас с Катей... – Нелли сделала выразительную паузу, дав Николаю возможность самому закончить фразу.

– Сугубо деловые отношения, – пояснил Водорезов, – работаем вместе.

– Как интересно! – Глаза оживились, заиграли огоньками неподдельного любопытства. – И кто же вы по профессии?

Николай понятия не имел, где работает Катя. Но разочаровывать Нелли он теперь не имел права.

– Занимаюсь тем же, чем здесь, перед вами, – улыбнулся Водорезов.

– Вы каскадер? – без усмешки спросила Нелли.

– Да, – кивнул Николай.

И тут же продемонстрировал свои способности, сделав колесо с помощью одной руки.

– Ни разу не общалась с каскадером. Вы будете дублировать Катиных актеров? – поинтересовалась Нелли.

Эта Катя как-то связана с актерами и каскадерами! Что ж, не так уж плохо... Водорезов мысленно пытался угадать наиболее подходящую профессию для молодой женщины, подружки бизнес-леди.

– Трудно сказать, – ответил он. – Кстати, где сейчас может находиться Катя? Ее мобильник не отвечает.

– Не отвечает? – Бизнес-леди вскинула тоненькие изящные брови. – Ах да, с утра она собиралась в актерское агентство, а во второй половине дня у них просмотр.

– На «Мосфильме»? – спросил Николай.

– Нет, там, где она учится, – пояснила Нелли, – на высших режиссерских курсах.

Ну вот и все. Теперь можно было расставаться. Катя – студентка режиссерских курсов. Однако уходить Водорезов не торопился.

– Я загляну к вам в кафе? Вместе с Катей? – улыбнулся Николай.

– Сколько угодно, – одарила его ответной улыбкой Нелли Владимировна.

Улыбалась она искренне. Во всяком случае, Водорезову почему-то хотелось в это верить.

Не прошло и сорока минут, как с помощью ноутбука Водорезов собрал полную информацию о высших режиссерских курсах. Там же он нашел объявление о том, что учащаяся этих курсов Екатерина Терентьева ищет актеров лет двадцати пяти – тридцати и актрис того же возраста для съемок в дипломном фильме. Неожиданно нашлась и фотография Кати Терентьевой. Коротко стриженная изящная блондинка. Несколько худощавее своей подруги Нелли. Впрочем, может быть, это была и не та Катя. В любом случае Водорезов должен немедленно двигаться в сторону режиссерских курсов и для начала найти Катю Терентьеву.

Пока Николай ехал до станции «Белорусская», его мысли были о Сашке Гридневе. Подполковник вспоминал годы совместной службы в разведке воздушно-десантных войск.

С Сашей Гридневым они сдружились в африканских тропиках. В начале девяностых, когда уже распался СССР, Россия продолжала оказывать военную помощь одному из африканских государств. Российских войск как таковых там не было, а вот инструкторы и советники в немалом количестве. В основном ракетчики, летчики, спецы ПВО, танкисты. Но были и специалисты по тактической разведке и воздушно-десантному делу. В числе этих немногих оказался Николай Водорезов, едва прикрутивший на погоны четвертую капитанскую звездочку. Почему штаб ВДВ остановил свой выбор на Николае, сказать трудно. Кому-то из высших чинов показалось, что он коммуникабелен и человеколюбив, а в обучении африканцев десантному ремеслу это самые главные качества. Гвардии капитан Водорезов почти целый год учил негров стрельбе (в том числе из гаубичной артиллерии), приемам маскировки и передвижения в условиях разведывательных мероприятий, а также артиллерийской корректировке. Особенно интересными оказались занятия по РБ – рукопашному бою. Негры ребята здоровые, во вверенном Водорезову десантном батальоне самый маленький – метр семьдесят пять. Драться привыкли кулаками, ножищами и головами. Последнее у подчиненных капитана было не слабее пушечного ядра. Однако большинство из них слыхом не слыхивало о таких элементарных приемах, как подножка и залом руки за спину. Для них такие вещи были открытием, эдаким русским ноу-хау. А Николай, по счастью, еще до училища стал кандидатом в мастера спорта по самбо. Тренер, незабвенный Юрий Семенович, учил Колю не только спортивному, но и боевому самбо. Попав в спецназ ВДВ, Водорезов понял, что не зря потратил время на тренировки. Так вот, негры-десантники, которым русский капитан еле до плеча макушкой доставал, поначалу всерьез Николая не восприняли. Но как только он показал свое владение самбо, уронил пару двухметровых и обездвигил, сильно зауважали. Просили научить, но не очень-то самбо у них пошло. Все-таки они потенциальные молотильщики, в лучшем случае боксеры. Поэтому курс РБ свелся к приемам типа – «прикладом бей, штыком коли, магазинной коробкой бей, прикладом прикрывай голову». Саша Гриднев появился на третий день пребывания Водорезова среди африканских десантников. Долговязый, с неуставной прической, похожий скорее на какого-нибудь рок-музыканта, нежели на офицера. Он представился военным переводчиком. Сказать по совести, без переводчика с африканцами общаться было иной раз куда легче, так как язык жестов был им более доступен. Однако порядок есть порядок. Положен

переводчик, значит, ничего не попишешь. Военный переводчик отличается от гражданского тем, что досконально знает все армейские термины. Саша постоянно таскал с собой специальный блокнот, в котором были записаны эти самые термины, и не стеснялся в него заглядывать. Вскоре Водорезов и Саша сдружились. Гриднев тогда был еще курсантом военного института иностранных языков. Но поскольку в Африке срочно требовались знатоки португальского (коим Саша и владел), то курсанта Гриднева и еще нескольких «португальцев» в срочном порядке произвели в младшие лейтенанты и отправили на континент. Доучиваться в институте до второй звезды они должны были после полугодовой спецкомандировки. У Николая до сих пор сохранилась фотография – он, Саша и еще пара ребят стоят на фоне пальм, под палящим африканским солнцем. Сами загорелые, почти что негры, одетые в «верде оливо», так называемую кубинскую униформу зеленого цвета. Рукава у всех закатаны, специально, чтобы отличаться от кубинцев, чьи инструктора также присутствовали в местных вооруженных силах. И, разумеется, никаких погон и прочих знаков различия. В стране русские советники находились, скажем мягко, по «неофициальному приглашению». Потому вынуждены были соблюдать нормы скрытого пребывания. В боевых действиях принимать участие были не должны, только обучать и инструктировать. Однако пришлось Водорезову с Сашкой и повоевать. Это случилось первого июня. За восемь минут до конца обеденного перерыва в квартиру Николая ворвался его шеф, советник командующего ВВС и ВДВ, полковник Малаян.

– Срочно вылетаем в Нгоэ-Ло, – сообщил он, назвав одну из удаленных провинций. – Там сбит наш «Ан-26». Экипаж, скорее всего, захвачен.

М-да, только и сказал Николай мысленно самому себе. Местные сепаратисты вновь активизировались. До этого уже более недели на «фронтах» было затишье. Сегодня же русскому капитану не оставалось ничего другого, как начать переодеваться в камуфлированную форму местной армии. Пока он это делал, Малаян теребил в своих широких загорелых ладонях голубой берет с тремя разноцветными ленточками, символизирующими местный флаг. Полковник, как и Водорезов, был одет в форму местных «коммандос». Не прошло и пяти минут, как они неслись на аэродром, прихватив с собой Гриднева. Без переводчика никуда. По дороге Малаян обрисовал ситуацию. Транспортник «Ан-26» совершал обычный вылет из столицы в одну из провинций. Точнее, Нгоэ-Ло. Отвез туда продовольствие, медикаменты и пассажиров. А обратно взял нескольких местных офицеров, направляющихся в столицу по служебным делам. Лишь начавший набирать высоту «Ан» был сбит ракетой, но командир сумел совершить вынужденную посадку недалеко от города. И успел сообщить об этом по радиостанции. Экипаж на самолете был из российских ребят, так как у африканцев квалифицированных пилотов-транспортников на тот период почти не было. И летчики в сбитом «Ане» были гражданские, работали по контракту. Последнее, что передал по радио командир, было то, что их окружают темнокожие солдаты, но явно не правительственных войск.

– Сепаратисты, – коротко констатировал Малаян.

Он сразу же связался с «гэвээсом» (главным военным советником) генерал-лейтенантом Н. Тот, руководствуясь горьким опытом, не слишком надеялся на африканскую сторону. И потому отдал приказ Малаяну, как старшему по ВВС, возглавить операцию по спасению экипажа. Первым делом Малаян связался с Нгоэ-Ло. Провинция была прифронтовым городом, и вокруг него был создан пояс ПВО, основой которого были российские ЗРК⁵ «Печора». Обслуживали их смешанные африканско-кубинские расчеты. Объяснялся с ними Саша, периодически заглядывая в заветный блокнот.

– Ничего не перепутал? – спросил с некоторым недоверием Малаян, когда связь кончилась.

– Никак нет, – ответил младший лейтенант.

⁵ ЗРК – зенитно-ракетный комплекс.

– Башкой отвечаешь! – напомнил Малаян.

Саша ничего не ответил. Он летел вместе со всеми, и «Печора», в случае неправильного перевода, уложила бы всех в одну, как говорится, братскую... На столичном аэродроме техники быстро подготовили к вылету «Ан-12». Перед вылетом короткая беседа с ВАТом – военным атташе в чине генерал-майора ВВС. Атташе сообщает, что операция находится под неусыпным контролем посла РФ. Москва тоже в курсе. Не сказать, что всем от этого полегчало – в курсе, так в курсе... Атташе недоверчиво оглядел Сашу. Младший лейтенант в тот момент был очень похож на долговязого десятиклассника с всклокоченной неармейской прической. Атташе спросил что-то на ломаном португальском, Саша четко и внятно ответил. Атташе был удовлетворен и переключился на подъезжающие автомобили с африканскими военными. На аэродром прибыли замкомандующего ВДВ, начальник политуправления и руководитель контрразведки. В приехавших вместе с ними грузовиках три десятка полностью экипированных солдат-десантников. Они же «тропаш де интервенсау» – части вмешательства. Водорезовские двухметровые ученики и подчиненные.

– Кто возглавит десантный отряд? – переводит Саша вопрос начальника политупра.

– Русский капитан готов взять ответственность? – в свою очередь спрашивает командующий ВДВ.

Все как всегда. Африканцы готовы помочь всем, чем могут, но командовать будет «русский капитан». Хорошо еще, бойцов в боевом снаряжении выделили. «Русский капитан», то есть Николай Водорезов, молчит. Свое слово за него говорят Малаян и атташе... В самолете, не стесняясь в выражениях, Малаян на чем свет стоит материт местное командование. Ответственность за исход операции в любом случае возложат на него, Арсена Аршаковича. А он привык совсем к другим реалиям. Некоторое время назад, еще до распада Союза, командовал полком истребительной авиации... Десантникам выражения советника ВВС и ВДВ Саша не переводит, хотя те иногда обращаются к нему с вопросительными интонациями. Не проходит и двух часов, как «спасательная экспедиция» приземляется в Нгоэ-Ло. Снижается «спиральным способом», максимально обезопасив себя от пусков зенитных ракет. Как сепаратистских, так и «собственных». Вдруг Саша что-то все-таки напутал со своим португальским. На аэродроме уже ждут целых три вертолета «Ми-8», в которые тут же загружаются десантники. Водорезов, Малаян и Саша садятся в головной вертолет. Десантироваться с винтокрылых машин куда удобнее, чем с «Ана». Вертолеты тут же взмывают вверх, вслед за ними и «Ан-12». Пребывание на местном аэродроме довольно опасное мероприятие. Охрана из роты солдат, двух танков и трех БРДМ⁶ вряд ли спасут от точного выстрела из гранатомета «РПГ» или миномета. Осмелевшие сепаратисты вполне могут решиться сжечь самолет.

При подходе к предполагаемому месту падения российского «Ан-26» головной вертолет, в котором находились русские советники, попал под обстрел с земли. Их явно ждали и подготовили встречу. Ранили одного из пилотов. Такая засада отнюдь не в традициях местных сепаратистских повстанцев. Это значило, что Водорезову предстоит схлестнуться с наемниками. По счастью, у Николая до этого был таджикский и афганский опыт. Он сам встал за пулемет и начал поливать свинцом возможные огневые точки. Стрельба по вертолету утихла, а вот «вертушку», шедшую с левого фланга, завалили наглухо.

– Отходим на базу! – командует Малаян.

Никто не спорит. Это единственное верное решение. Сесть не представляется возможным, тем более приблизиться к «Ану». Сбитый вертолет горит быстро, можно сказать, уже догорает. Вертолет берет обратный курс, летит над джунглями на средней высоте. И тут неожиданно Водорезов и Малаян видят в джунглях нескольких человек, машущих какими-то тряпками. С помощью оптики Николай разглядел их. Скорее всего это был экипаж сбитого «Ана».

⁶ БРДМ – боевая разведывательно-дозорная машина.

Рваная одежда, бинты, еще не загорелые лица. С ними несколько африканцев в форме правительственных войск. С большим риском вертолет сумел снизить высоту и забрать их.

На базе подвели итоги. Погибший вертолет с десантниками, но при этом девять спасенных. Из них четверо наших гражданских пилотов. Но среди них нет командира экипажа и штурмана. О чем полковник Малаян и доложил в российскую военную миссию и посольство.

– Надо возвращаться, – без особого энтузиазма произнес Водорезов.

– В темноте? – спросил Малаян, кивая за окно. – Самоубийство.

Наступал вечер. Африканский вечер, который очень быстро превращался в темную, почти беззвездную ночь.

– До ночи еще можно успеть, – возразил Николай и в свою очередь кинул на часы.

Головной «Ми-8» был закован в прочную броню, а на пилонах были подвешены блоки «нурсов». Погибший же «Ми» был обычным транспортником, без всякой брони, хоть и с теми же «нурсами».

– Пойдем бронекolonной, – принял окончательное решение Малаян, – но утром!

С командующим спорить не принято. Тем более что Арсен Аршакович отчасти был прав. Неизвестно, как все сложится, а отходить ночью по воздуху и в самом деле почти самоубийство. Придется ждать рассвета, а пока есть время тщательно разработать план боевой операции. У экипажа и пассажиров автоматического оружия не было. А вот командир (героический и неглупый мужик оказался!) приобрел где-то «по случаю» «АКС». Когда пораженный «стингером» самолет исхитрился сесть, его тут же атаковали сепаратисты. Командир взялся за «АКС» и сумел обеспечить экипажу и пассажирам отход в камышовые заросли. Там-то они и ожидали наши вертолеты. Командир экипажа и штурман покидали самолет последними, и где они сейчас, можно было только предполагать. Арсен Аршакович принимает волевое решение – атаковать сепаратистов и попытаться взять нескольких в плен.

Утром Водорезов с подчиненным контингентом, и в самом деле, сели на броню, но... По радиации поступило сообщение, что на шоссе, ведущем в столицу, совершено нападение на гражданскую автоколонну. Пять грузовиков и сопровождавшая их БРДМ были сожжены. Поэтому вся имевшаяся в распоряжении местного командования бронетехника была немедленно задействована на поиски и уничтожение бандитствующих сепаратистов. Таким образом, пришлось Николаю и Саше слезать с брони. Ничего другого теперь не оставалось, как совершить еще одну вертолетную вылазку. На том же бронированном «Ми-8». Пилоты действовали куда осторожнее – подошли на максимальной высоте, выпустили пару-тройку нурсов по камышам и лишь потом сели. Чернокожие командос во главе с Водорезовым и Сашей начали прочесывать местность, но ни живых, ни мертвых не обнаружили.

На следующий день доклад военному атташе. Тот с командами не торопится. Что говорить?! Считай, двое российских граждан пропали без вести. Атташе кивает Малаяну. Мол, давай, воздушный советник, думай, как дальше быть. Арсен Аршакович просит пару часов. Запирается в кабинете с Водорезовым и двумя спецами по воздушной разведке.

– Какие мнения? – спрашивает полковник.

– Возможны двести вариантов⁷, – невесело глядя на Николая, произносит штурман из воздушной разведки.

Все верно. На карте воевать одно, в джунглях совсем другое. Даже если воздушным разведчикам удастся вычислить предполагаемое местонахождение наших ребят, отбивать их придется десантникам. Малаян берет за телефон и требует представить последние сводки из района Нгоэ-Ло. И вот тут фортуна улыбается русским советникам во все тридцать два зуба. «Печора» ранним утром подбила самолет сепаратистов, и летчика, выбросившегося с парашютом, удалось захватить живым. Он, кстати говоря, оказался белым. Дальнейшее – дело техники.

⁷ Возможны Двести Вариантов – армейский сленг, расшифровка ВДВ.

Местные спецслужбы выходят по своим каналам на лидеров сепаратистов и предлагают обмен. Торг длится около суток. Потом... Потом подразделение Водорезова загружается в грузовики и броню и двигается осуществлять обмен. Белый летчик-наемник сидит рядом с Николаем. За два часа езды оба не произносят ни слова. В двух других грузовиках тела погибших в недавнем боестолкновении сепаратистов. Они тоже вошли в «обменный фонд». Дальше без приключений. Водорезов забирает своих ребят, изрядно покореженных, но способных передвигаться. Отдает пилота и трупы. Спасенный командир первым делом просит закурить, штурман пытается улыбаться. Вот и вся спецоперация! Малаян сдержанно благодарит, атташе жмет руки и обещает особо отметить в рапорте участие капитана Водорезова...

Вот так, помимо советнической миссии, пришлось Николаю кое-что показать братьям-африканцам и на личном примере. Как-то колонну с горючим сопровождали и под огонь попали. Три часа отбивались, потом пришла подмога. Горючее, правда, сожгли. Николай в канаве с грязной водой по самое горло те три часа провалялся, отстреливаясь от превосходящих сепаратистских сил... Еще было боестолкновение – как-то сепаратистская авиация накрыла нашу пешую колонну на боевом марше. Опять же, в канаве пришлось полежать. «Ничего героического», – усмехался, вспоминая об этом, Николай. Всякое бывало в Африке. Например, едет по джунглям БТР. Внутри советник по бронетанковым вопросам, переводчик (Сашкин сокурсник по ВИИЯ, тоже младший лейтенант) и экипаж из аборигенов. А Водорезов с Сашкой и тремя десантниками на броне сидели, потому как париться в жару в железной коробке ни малейшего желания не было. Да и джунгли те были безопасными, сепаратистов там сроду не было, их города и магистрали притягивают. Едет «коробочка» по джунглям, ничего, все нормально. Вдруг раз – водитель с управлением не справился, и БТР въезжает в болото. Водорезов и те, кто на броне сидел, соскочить успели и каким-то чудом на берегу оказались. А «коробочка» ушла под воду меньше, чем за минуту. Звездец. Рация барахлит, связались с базой лишь через двадцать минут. Оттуда больше часа ходу. Вертолет прилетит быстрее, но толку от него немного. Да и трос, чтобы машину вытащить, никакой возможности закрепить нет. Водолаз специальный нужен, в специальной опять же экипировке. Его за один день не отыщешь, а воздуху в БТРе дай бог на полчаса хватит. Простого пловца тина засосет. Так и стало то болото братской могилой... Самое поганое, что советник-подполковник был признан участником боевых действий, погибшим при исполнении, а младший лейтенант нет. Вроде как по своей дури переводчик утонул. Три года над родными того парня издевались, потом по коллективной просьбе однокурсников признали погибшим на боевом задании. Даже награду какую-то дали.

Многих русских ребят болезни подкосили. У местных иммунитет годами выработан, а русских лихорадка африканская косила нещадно. Кого спасли, а кого и нет. И опять же – вроде как не в бою офицеры пали, значит, их семьям никаких льгот. Водорезова с Сашкой эта участь миновала. Пока живые и на здоровье не жаловались.

В передрыгу Саша попал без Николая. Заболел переводчик у инструктора по средствам ПВО, и Сашу откомандировали во все тот же злосчастный Нгоэ-Ло. Ехали на БТР по проверенной, хорошо охраняемой трассе. Тем не менее местные сепаратисты имели тенденцию возникать именно там, где их никто не ждет. БТР наехал на фугас и был подорван. По счастью, сзади шел грузовик с десантниками, и они пришли на подмогу. Сашке повезло, что он сидел близко от люка, и его вытащили первым. А вот двух других офицеров – техников ПВО капитана и майора вытащить не смогли. Дальше, за Сашкой, был сплошной огонь. Горела солярка, начал рваться боекомплект. Потом в госпитале на операции из Сашкиных легких вытащили немало гари. Врачи гадали, каким чудом младший лейтенант не задохнулся. Сашку вытащили в горячей одежде и, на его счастье, бросили в жижу придорожной канавы. И тут же завязался

нешуточный бой. Капитан Водорезов и его подразделение прибыли к месту боя спустя пятнадцать минут, благо ход у БМД⁸ был скорым.

– Федор, где Сашка? – спросил Николай у знакомого прапорщика Максимова, когда появилась возможность разговаривать.

– Переводяга? Тут где-то был, – ответил Федор.

Надо было отходить, но Сашки нигде не было. В канаве с грязной жижей его попросту было не разглядеть со стороны шоссе. Но в этот самый момент Саша, хоть и был без сознания, смог застонать. Водорезов с Максимовым вытащили его из канавы, затащили в грузовик. Под прикрытием авиации отошли. Как умели с Федором, наложили Сашке шины на переломанные ноги. И, надо сказать, весьма успешно. Если шины наложить неправильно – сразу начинается гангрена... Месяц в местном госпитале, еще три с половиной уже в российском, имени Бурденко. Армейские врачи сумели поставить Сашку на ноги и, как могли, залатали обгорелое лицо. Гриднев изменился внешне, но внутренне остался тем же самым Сашкой. Он довершил учебу в военном институте и получил вторую звездочку на погонах. Далее оказался там же, где и начинал армейскую службу – в подразделении специальной разведки ВДВ. Каждый день он минимум по часу занимался физическими упражнениями и, если была возможность, оттачивал мастерство в практической стрельбе.

К концу 1994 года советники и инструкторы были окончательно выведены из почти ставшей родной Африки. Осталась лишь база ВМФ. Водорезова и других офицеров ВДВ, прошедших джунгли и болота, ждала Чечня. В ней было еще больше всякого, о чем вспоминаешь не без горечи. Гриднев дослужился до капитана и уволился из войск по собственному рапорту. Причин не объяснял даже самым близким людям.

Что сейчас с Сашкой?

⁸ БМД – боевая машина десанта.

Глава 4

– Гриднев Александр Борисович. Окончил ВИИЯ... – прочитав вслух незнакомую аббревиатуру, старший лейтенант Островной сделал паузу, потом с максимальной вежливостью в голосе уточнил: – Что за ВИИЯ?

– Военный институт иностранных языков, – пояснил задержанный.

– А что в спецназе ВДВ делал? – усмехнулся Островной.

– Пленных допрашивал, – ответил Александр Борисович Гриднев, – радиоперехваты переводил.

– И какие языки знаешь?

– Английский, испанский, португальский, фарси, фарси-кобули, пушту, турецкий...

– Достаточно, – оборвал Гриднева Островной. – По-турецки, значит, понимаешь, а вот по-русски не очень. А, Гриднев?

– Не понял, – отозвался допрашиваемый.

– Странный ты мужик, Гриднев, – прищурившись, проговорил Островной. – Вроде офицер, а выглядишь как наркоман, с волосами точно у хиппаря. Денег на стрижку нет?

Гриднев не ответил, лишь пригладил назад свою и в самом деле совсем не офицерскую прическу.

– Ладно, лирическое отступление закончено, – произнес Островной, в упор разглядывая сидящего напротив него Александра Борисовича.

У Гриднева было худое лицо с двумя заметными шрамами. Одет он был, точно арбатский музыкант конца восьмидесятых прошлого века, в старомодную джинсу.

– Я, Гриднев, как и ты, специалист по допросам, – сообщил после паузы Островной. – И у меня свой переводчик имеется. Для тех, кто русским плохо владеет.

Островной кивнул назад, где около двери разминал кисти рук вчерашний амбал. Тот, что принимал участие в задержании Гриднева.

– Ты стрелял в журналиста Нечаева и его собеседника! – с напором в голосе произнес Островной. – Есть свидетельские показания, и я тебе очень советую сознаться.

– Где они, ваши свидетели? – негромким голосом поинтересовался Гриднев.

Островной переглянулся с амбалом. Тот перестал разминать кисти рук и вплотную подошел к Гридневу.

– Я твой главный свидетель, адвокат... – заговорил амбал. – И доктор. Тебе ведь нужен доктор? Еще нет? Ну, скоро понадобится.

Амбал слегка наклонил свою стриженую низколобую голову и коротко, без замаха, ударил Гриднева кулаком в область печени. Гриднев слегка покачулся, но устоял на ногах. Шрам на его лице заметно дернулся, но выражение его серо-голубых глаз осталось прежним – спокойным и несколько отстраненным.

– А ты в самом деле крутой, – удивленно проговорил амбал. – Смотри, Дэн, уж не терминатор ли он?

– Скорее ты научился бить, – отозвался Дэн, намеренно распалая амбала.

Тот ждать себя не заставил и нанес второй удар, на сей раз более мудреный. Сделав обманное движение правой рукой, амбал своей тяжелой ножицей провел резкий удар в голову, демонстрируя растяжку, свойственную профессиональным кикбоксерам. На сей раз допрашиваемый отлетел к противоположной стене, но вновь каким-то чудом сумел сохранить равновесие. Амбал двинулся на него, готовя серию сокрушительных ударов. Он явно был большим спецом в рукопашном деле. Гриднев на его фоне выглядел тощим десятиклассником. Однако дальнейшее оказалось совершенно неожиданным для единственного зрителя Дэна Островного. Кикбоксер пробил-таки Гриднева в корпус, согнул почти пополам и уже готов был точным

ударом в челюсть уложить Александра на твердый, холодный пол тюремной камеры. Но его пудовый кулак пролетел в каких-то миллиметрах от лица Гриднева, а сам кикбоксер тут же зашелся диким, захлебывающимся кашлем. Гриднев сумел распрямиться и ударил кикбоксера фалангой пальцев под кадык. Не столько ударил, сколько ткнул. На какую-то долю секунды кикбоксер потерял ориентацию в пространстве, и этого вполне хватило Гридневу, чтобы сбить его на пол ударом по коленной чашечке. Третий удар Гриднев нанес ребром стопы в висок, окончательно отключив кикбоксера. Вся схватка заняла несколько секунд, поэтому Дэн Островной не сразу сообразил, что происходит. Между тем Гриднев одним прыжком оказался рядом с ним, и через мгновение Дэн, как и его коллега кикбоксер, в обездвиженном состоянии растянулся на тюремном полу. Гриднев быстро нагнулся, поднял папку с бумагами, которая еще секунду назад была в руках старшего лейтенанта. Последними были подколоты показания некоей Терентьевой Е. А. Она сообщала, что собственными глазами видела, как в момент завязавшейся в кафе потасовки длинноволосый мужчина в джинсовом костюме и со шрамами на лице поднялся из-за своего столика, достал оружие и открыл огонь по гражданам, сидящим за соседним столом. Кончались показания Терентьевой Е. А. дежурными словами «с моих слов записано верно...». Далее должна была бы стоять подпись этой самой Терентьевой Е. А., но подпись отсутствовала. Значит, либо нет никакой Терентьевой, либо Терентьева есть, но показаний не дала, либо, наконец, дала, но не те, которые якобы записаны с ее слов верно. Скорее всего последнее – Саша помнил вчерашнюю девушку, которая наотрез отказалась опознавать его как стрелявшего. Значит, по крайней мере один свидетель в его пользу есть. Что ж, это уже вносило определенную ясность. Саша захлопнул папку и как ни в чем не бывало покинул камеру, которую Островной с кикбоксером почему-то не заперли. В коридоре Гриднев нос к носу столкнулся с дежурным по изолятору, немолодым старшиной, вооруженным резиновой дубинкой и рацией.

– Такая незадача, старшина, – разведя руками, миролюбиво произнес Гриднев. – Ваши коллеги-опера заспорили о методах современного допроса. Сильно разгорячились и... – Саша пожал плечами и продолжил тоном трагического актера: — ...немного поколотили друг дружку.

Ни слова не говоря, старшина заглянул в камеру. Дэн и кикбоксер признаков жизни не подавали.

– Отметьте, пожалуйста, в рапорте, – Саша доверительно склонился к обескураженному старшине, – что я пытался разнять их, но мне тоже немного досталось. А когда они рухнули без чувств, я немедленно бросился за врачом. Где мне его искать, кстати говоря?

– Сейчас, – произнес в ответ старшина, оценив, что от интеллигентного заключенного Гриднева никакой угрозы не исходит. – Вернись в камеру, врача я сам вызову.

Между тем Островной пришел наконец в себя. Поднялся с пола, отряхнул помятый не дешевый костюм и произнес:

– А ты, Гриднев, дурак. Совсем дурак... Разговор с тобой теперь будет совсем другой... Подымайся, хватит валяться.

Последнее относилось к медленно приходящему в себя кикбоксеру.

– Другой разговор – сколько угодно, – проговорил вернувшийся в камеру Саша. – Слушай, Островной, а ведь у тебя никаких свидетельских показаний нет. Зачем этот спектакль?

Островной ответил не сразу. С нескрываемой ненавистью он оглядел худощавую, чуть выше среднего роста, фигуру Гриднева с ног до головы.

– Нет, так будут, Гриднев, – произнес Дэн. – Не сегодня, так завтра. А ты, повторяю, совсем дураком оказался. Знаешь, почему я тебя не пристрелил как оказавшего сопротивление? Не знаешь. Но скоро узнаешь и очень пожалеешь, что жив остался. Пошли! – кивнул он поднявшемуся наконец на ноги кик-боксеру.

«Времени решили не терять, – сообразил Гриднев, – двинулись добывать „свидетельские показания“». Старшина-дежурный лишь вздохнул и на несколько оборотов запер камеру, как только ее покинули Дэн и кикбоксер. Саша вновь остался в одиночестве. Терентьева Е.А. Кто она? Девушка упорно не хотела давать показания против него, Гриднева. И эти два молодых негодяя теперь возьмутся за Е.А. Терентьеву. Интересно, как ее зовут? Елена? Екатерина? Евгения? Елизавета? И тут вдруг Саша Гриднев вспомнил, где слышал фамилию Островного. Весьма серьезная фигура, как минимум генерал-лейтенант МВД. Заместитель министра. Скорее всего, отец этого Дэна. Это объясняет многое. И это Гридневу оптимизма не прибавило. Но в любом случае, пока у этих мерзавцев нет подписи свидетельницы, обвинить его в убийстве будет проблематично.

Высшие курсы сценаристов и режиссеров Николай нашел быстро. Они располагались в пяти минутах ходьбы от столичного зоопарка, рядом с польским посольством. Хвоста за ним на сей раз не наблюдалось. Рядом с входом курили несколько юношей и девушек приятной внешности. Девушки, как ни странно, были куда в большем количестве, нежели молодые люди. Катю Терентьеву среди них Николай не узнал. Зайдя в само помещение курсов, он тут же был остановлен строгой вахтершей.

– Я актер, – представился Водорезов, – снимаюсь у Кати Терентьевой в дипломном фильме. Как мне ее найти?

– Нету Терентьевой, – произнесла вахтерша. – Ее вон один актер с самого утра дожидается.

Вахтерша кивнула в конец коридора, где рядом со стендами прохаживался высокий, внушительных габаритов, парень. «Хороший актер, – подумал Николай, – в том смысле, что виден издалека...»

– А что вы за актер? Я вот вас в первый раз вижу! – с сомнением произнесла вахтерша.

– Я из Коломенского театра юного зрителя, – ответил Водорезов, не очень уверенный в существовании такого театра. – В кино совсем недавно. А вот этого актера вы хорошо знаете?

Спросил он негромко, лишь едва заметно кивнув в сторону того, кто ждал Катю Терентьеву с более раннего часа.

– Тоже незнакомый какой-то, – отозвалась вахтерша. – Ладно, ждите свою Терентьеву. Но в двадцать один ноль-ноль я всех вас отсюда погоню.

– Как будет угодно, – тоном начинающего актера отозвался подполковник.

По счастью, предполагаемый «коллега» не слышал разговора Николая с вахтершей. Может, он и в самом деле был актером. Водорезов подошел к висящему на стене стенду и углубился в его изучение. «Коллега» топтался в паре шагов от него. Он был одет в широкую куртку из плотного материала, что не очень-то соответствовало сезону. Зато под такой курткой очень удобно прятать оружие, вплоть до автомата «АКС-74У» с укороченным, без пламегасителя, стволом. Объявления, вывешенные на стенде, сообщали, что сегодня в пятнадцать тридцать состоится просмотр курсовых работ студенток О. Бычковой, Л. Галкиной и Н. Собакарь. На курсах одни девчата учатся, надо же! Раньше Водорезову казалось, что режиссер – это сугубо мужская профессия. С лестницы, ведущей на второй этаж, спускались двое ребят в рабочих спецовках, которые волокли длинную и, видимо, тяжелую фанерную коробку. Кажется, Николаю сегодня сопутствовало везение. Когда ребята с коробкой оказались совсем близко, он, не оборачиваясь, сделал шаг назад, и те, не успев затормозить, врезались в него вместе со своей тяжелой ношей. Разумеется, Николай не устоял на ногах и стал падать на стоявшего сбоку «коллегу актера».

– Аккуратней, мужики, – схватившись за корпус «коллеги», чтобы сохранить равновесие, произнес Водорезов, – мне сегодня на съемки.

Ребята махнули рукой. «Коллега» отреагировал столь же молча. Он был значительно выше и тяжелее Николая. Кажется, ему не пришло в голову, что тот получил кое-какую информацию, лишь слегка коснувшись его подмышечной области. Он, скорее всего, левша, так как предполагаемое оружие было закреплено с правой стороны. «Стечкин» или «ПМ»?! Определить это в одно касание Водорезову было не по силам, однако он был твердо убежден, что это не автомат и не пистолет-пулемет... А может быть, это коробка конфет? Мало ли что можно таскать под курткой. Между тем послышался пронзительный звонок, точь-в-точь как в средней школе. Часы показывали пятнадцать тридцать, и это означало, что сейчас должен был начаться просмотр курсовых фильмов. Народ дружно потянулся в кинозал. Катю Терентьеву Николай не заметил. «Коллега» также двинулся к дверям просмотрового зала. Подполковнику не оставалось ничего другого, как последовать туда же. «Коллега» уселся в предпоследнем ряду, причем так, чтобы в случае открытия огня максимально контролировать пространство. И рядом с выходом, чтобы быстро и незаметно покинуть помещение. Стараясь не смотреть в его сторону, Водорезов сел рядом с высокой светловолосой девушкой. «Интересно, все-таки „стечкин“ или „ПМ“?» – размышлял в темпе Водорезов.

Между тем свет погас, и на экране возникло название первого фильма – «Общество спасения». Фильм был черно-белый, и это все, что Николай мог о нем сказать. Возможно, он был интересным и понравился бы Водорезову, но смотреть кино ему было сейчас недосуг. Незаметно для своих соседок он «ушел в землю». Точнее, в пол. Ползать по полу кинотеатра подполковнику уже один раз приходилось. Во время штурма Грозного. Тогда боевики засели в одном из бывших кинотеатров, и десантники серьезно схлестнулись с ними. Николаю так же пришлось ползти между креслами, чтобы подкрасться к оборудованной в партере пулеметной точке. Тогда ему это удалось. Сейчас, как и тогда, Водорезов двигался практически в полной темноте, интуитивно. Сзади него, по счастью, зрителей было немного, а звук кинофильма достаточно мощным. Его «коллега» по-прежнему сидел рядом с выходом. Николай остановился и затаил дыхание, когда уже мог во время вспышек со стороны экрана разглядеть тяжелые полуармейские ботинки «начинающего актера». «Стечкин», «ПМ» или коробка с конфетами? Сейчас узнаем. Водорезов сумел успешно переместиться к «коллеге» за спину. Некоторое время Николай медлил. Точнее, ждал – когда события на экране станут наиболее громкими и мало кто обратит внимание на то, что на предпоследнем ряду маленького студенческого кинозала проходит специальная операция по взятию языка. Экранного изображения Николай не мог видеть, а вот диалог «Общества спасения» слышал прекрасно:

- Вы никогда не хотели попробовать с мужчиной? – спрашивал девичий голос.
- Не знаю... – отвечал робкий мужской.
- Я не находил никого подходящего.
- Вы думаете, выбрали бы вы? – насмешливо ответила девушка.
- Выбрали бы вас!

События на экране нешуточно накалялись. Послышались другие, более громкие и настойчивые голоса, затем раздалась яростная музыка в модном балканско-бреговическом стиле. Молниеносным движением Николай вырос за спиной «коллеги» и ребром ладони рубанул его под сонную артерию.

Глава 5

Хозяин кабинета молча смотрел на старшего лейтенанта Островного. Дэн нервно теребил пуговицы своего стильного пиджака.

– Да перестань ты трястись, – не очень вежливым, но спокойным тоном произнес хозяин. – Не сознается, и хрен с ним. Нужны свидетели, а его признание...

– Мы прессанем его, товарищ генерал! – по-армейски вытянулся Дэн.

– Твой приятель боксер уже, похоже, прессанул?

– Вам докладывали? Кто?

– Да никто, просто я его видел. Тихий стал какой-то. И кровоподтек над левой бровью... Ладно. Главное – в прессе этот Гриднев обозначен как убийца журналиста Романа Нечаева. – Генерал впервые усмехнулся и протянул Дэну свежий номер «Столичного комсомольца». – Коллеги погибшего уже постарались все расписать, как и предполагалось заранее.

Дэн взял газету, но читать не стал, лишь вопросительно посмотрел на генерала.

– Нечаев был убит так называемой десантной мафией. Наемный убийца – офицер запаса этих самых ВДВ, – пояснил генерал. – Далее я подброшу журналюгам хороший материал о торговцах оружием.

– Так прессовать этого Гриднева или... – начал было Островной.

– Временно оставь его в покое, – приказным тоном перебил Дэна генерал. – Он должен сохранять «товарный вид». Все развивается в соответствии с планом, утвержденным свыше, – генерал вторично усмехнулся. – Твоя задача на сегодняшний день – разобраться с этой девицей. Или получить ее подпись, или, по крайней мере, предотвратить свидетельство в пользу этого Гриднева. Вот этим и займись. Она что, и правда – кинорежиссер?

– Студентка, – пояснил Дэн. – Работа в этом направлении уже ведется. А что делать с Астафьевым?

– С этим вечным капитаном? А, запомнил, все-таки майором... Стало быть, он не очень верит, что стрелял Гриднев?

– Вы знаете Астафьева дольше меня. А что, если...

Дэн решил, что пришло время проявить инициативу и смелость. Он твердым голосом начал излагать свой план в отношении майора Астафьева.

– Лихо, – выслушав старшего лейтенанта, отозвался генерал. – Если не завалят, далеко пойдешь.

При последней фразе Дэн нервно сглотнул, но сдержал себя.

– Разрешите приступить к реализации? – осведомился он.

– Может, тебе еще письменный приказ нужен? С подписью и датой?

Дэн разве что каблуками не щелкнул, но из кабинета удалился строевым шагом. Хозяин кабинета некоторое время сидел молча, даже не ответил на телефонный звонок. Внешне генерал и старший лейтенант были очень похожи – оба высокие, подтянутые, оба умели с небрежным шиком носить дорогую и красивую одежду, оба посещали самые престижные парикмахерские салоны и фитнес-клубы. Ко всему прочему, генерал также носил фамилию Островной. Он был не кем иным, как родным дядей старшего лейтенанта. Однако племянника держал в строгости. В служебное время не допускал ни малейшего нарушения субординации.

Водорезов сумел-таки разгадать мучивший его вопрос. Не «стечкин» и не «ПМ». Такими обычно вооружены бойцы частных охранных предприятий. Водорезов с «коллегой» беспрепятственно уединились в туалете высших курсов. Отключив «актера» в кинозале, Николай взгромоздил его многокилограммовое тело на свои плечи и, незаметно для окружающих, вынес в фойе курсов. Мужской туалет, по счастью, оказался в двух шагах. Их никто не заметил, так

как все были увлечены вопросом, кто кого выбирает в «Обществе спасения». Прежде чем привести «коллегу» в чувство, Николай огляделся вокруг. Как и во всех туалетах, здесь имелись всякие интересные надписи. Например – «Не льсти себе, подойди поближе!» или «Улыбайтесь! Вас снимает скрытая камера!». Сугубо режиссерский юмор, надо полагать. Однако времени на просвещение у Водорезова не было, поэтому он хлестко смазал «коллегу» сложенной лодочкой ладонью по носу. Тот моментально пришел в себя.

– Ну, артист, – начал Николай. – Отвечай коротко и по существу – зачем пасешь Катю Терентьеву? Кто велел?

– Ты сам-то кто? – набравшись наглости, поинтересовался «коллега».

Вместо ответа Водорезов еще раз приложил его, на сей раз по ножному сухожилию, а затем слегка ткнул под кадык. «Коллега» захрипел.

– Шею сверну прямо здесь! – продолжил Николай. – Зачем тебе Терентьева? Быстро!

В ответ «коллега» неожиданно ломанулся на подполковника. Видимо, оценив его габариты, «актер» решил, что легко сметет Николая, впечатает в стенку. Он метил своей стриженной дубовой башкой Водорезову в физиономию, однако Николай успел уклониться, и «коллега» нарвался на прямой боксерский удар в челюсть. «Коллега» растянулся на кафельном, не очень чистом полу. Водорезов вновь ударил его по сухожилию: отсчитывать секунды нокаута он был не намерен.

– Я потерял терпение, – пояснил Николай, – до трех считать не буду.

Ствол «трофейного» «Ижа» смотрел точно в переносицу «коллеги».

– Я ей ничего делать был не должен, – хрипло заговорил тот. – Ничего плохого, вообще не тронул бы. Только объяснить должен, чтобы она... вела себя по-другому.

Объяснить! Водорезов имел представление, как такие вот «коллеги» объясняют.

– Она подписать что-то должна была. Подпись поставить... – хрипло пробормотал его пленник и замолк.

Подпись! Уж не подпись ли в протоколе опознания Гриднева как убийцы?! Кажется, кое-что проясняется. Теперь пришла пора точных конкретных вопросов.

– Твой хозяин погони носит? – спросил Николай.

«Коллега» молча кивнул. Больше вопросов Николай решил не задавать. Слишком многое ему теперь стало ясно.

– Считаю до двадцати, – распорядился Водорезов, сделав шаг к выходу. – Потом быстрым шагом покинешь это помещение и больше никогда сюда не придешь. Про Терентьеву забудь. Я ее личный охранник, предупреждаю один раз. Следующий, кто к ней приблизится, – труп. Так и передай своему... который в погонах.

«Коллега» вяло кивнул.

Николаю не оставалось ничего другого, как покинуть здание курсов. Имя и фамилия свидетельницы были теперь известны, Шумилову не составит труда найти ее адрес. Николай подходил к метро «Белорусская», как вдруг в немногочисленном людском потоке переходивших проезжую часть заметил скромную изящную женскую фигурку. Прическа, правда, чуть подлиннее, чем на фотографии, которую Водорезов отыскал с помощью «рамблера». Да, надо признать, прическа куда удачнее, чем на фотопортрете. Девушка перешла проезжую часть и направилась в сторону режиссерских курсов. Водорезовский «коллега» уже должен был окончить устный счет и покинуть помещение. Тем не менее Николай тронулся вслед за девушкой. Она шла быстрым пружинистым шагом. В ней чувствовалось что-то деловое, стремительное и энергичное. Именно такой, наверное, и должна быть женщина-режиссер. Николая и девушку разделяла какая-то пара шагов, когда Водорезов негромко произнес:

– Девушка! Не вы сценарий в метро потеряли?

Глава 6

Она среагировала так, как и подобает реагировать энергичной, собранной деловой даме.

– О чем вы?

Девушка уверена, что она ничего (тем более сценарий) потерять не может. Она разглядывала Николая таким же оценивающим взглядом, как и ее подруга. И усиленно пыталась вспомнить, где они виделись и какое Водорезов вообще может иметь отношение к сценариям. Вне всяких сомнений, перед Николаем была будущий режиссер Терентьева.

– Катя, нам нужно с вами поговорить, – произнес он.

– Вы из милиции? – поскучневшим, но вежливым голосом поинтересовалась девушка.

– Нет, – честно ответил Николай. – Но я знаю, что вы не подписали протокол опознания. Таким образом, не даете отправить за решетку невинного человека.

– Мне не о чем с вами разговаривать, – неожиданно резко отозвалась Катя и готова была продолжить путь в сторону своего учебного заведения.

Водорезов перегородил ей дорогу. Это было не очень вежливо, но ничего другого ему не оставалось.

– Знаете, что это такое? – Он расстегнул джинсовую куртку и показал девушке «трофейную» кобуру с «ижом».

Девушка молча кивнула и сделала шаг назад.

– Если вы не хотите со мной разговаривать, я уйду, – приняв максимально миролюбивую позу, сказал Николай. – Только эту игрушку я отобрал у одного товарища, который ждал вас в стенах вашего учебного заведения. Более того, я сумел выяснить, зачем он вас там ждал... Догадаетесь с трех раз?

– Неужели... – Катино лицо исказилось, точно от сильной боли, – меня хотят заставить... подписать протокол опознания и...

Тут она осеклась, точно не хотела болтать лишнего.

– Что и...? – спросил подполковник. – Арестованный Гриднев – мой друг. Но дело не только в этом. Что могут от вас хотеть вооруженные люди?

– У меня есть доказательства невиновности вашего друга, – робко проговорила девушка. – Но я никому не отдам их, если не будет гарантий...

– Катя, а вы ведь милицию боитесь больше, чем бандитов, – неожиданно произнес Николай.

– Просто я вижу, что ими схвачен человек, который никого не убивал, – ответила она.

Она была одного роста с Водорезовым. Для женщины метр шестьдесят пять – не так уж и мало. Николай молча сунул руку во внутренний карман и протянул Кате фотографию, где они с Сашкой стояли обнявшись на фоне африканских пальм.

– Странная форма, – отозвалась Катя, разглядывая снимок.

– Африка, – пояснил Водорезов. – Разговор будет?

Катя кивнула головой.

Спустя часа полтора Катя и Николай сидели на квартире Шумилова. Дима внимательно слушал Катю и рассматривал копии ее рисунков. Девушка приятно удивила их обоих. Наблюдательность и точность деталей на зависть любому офицеру разведки.

– Спасибо, Катя, – произнес Дима, выслушав девушку. – Я вам советую взять на ближайшие дни бюллетень и посидеть дома.

– Но у меня учеба, съемки! – буквально взорвалась Екатерина. – И потом, что... я вам больше не нужна?

– Пока нет, – убрав копии рисунков в темно-синюю папку, улыбнулся Шумилов. – Если вам будут угрожать или что-то такое в этом роде, звоните вот по этому телефону, – Дима протянул девушке визитку.

– Благодарю, – довольно едко отозвалась Катя. – Можете не провожать.

Несмотря на такое заявление, Николай все же вышел из подъезда вместе с девушкой.

– Катя, вы, кажется, на что-то обиделись? – спросил он.

– Нисколько, – дернув изящным носиком, ответила Катя. – А этот ваш... фээсбэшник порядочный хам. А вы ему в рот смотрите. Ваш друг интересуется его меньше всего.

– С чего вы взяли? – спросил Водорезов.

– Это видно невооруженным глазом, Николай... отчества, извините, не знаю. У фээсбэшника свои интересы. А вас, меня, вашего друга он просто использует, чтобы самому не шастать по опасным местам. Что, не так?

На такой выпад ответить Водорезову было нечего, он сдержанно еще раз поблагодарил Катю, поймал ей такси и пожелал творческих успехов.

– Гриднев в плену у Островного и Астафьева, – проговорил Шумилов, размышляя над Катиным рассказом. – Этот молокосос Дэн пашет на своего дядюшку. Генерал Островной – одна из главных фигур в предстоящей партии... И он, к сожалению, фигура не из простых. Все складывается, как я и предполагал. Погибший полковник Рудаков был одним из «караванщиков». Расшифровывать, думаю, не надо?

Водорезов лишь усмехнулся. «Караванщик» – это тот, кто ведет «караван». В данном случае с оружием. Идет этот «караван» по самым разным нехоженным и опасным тропам. Контрабанда оружия – весьма прибыльный на сегодняшний день бизнес.

– Его караван ходил и в Чечню, и в Дагестан, и в другие регионы, – продолжал Дима. – Потом то ли совесть заговорила, то ли еще чего – только вышел Рудаков на скандально известного журналиста Нечаева и передал ему сенсационный материал о нелегальных поставках оружия. И самое главное – о «крыше» этого бизнеса. О «крыше» с большими звездами на погонах. Далее – небольшой пробел.

– Чего же так? – спросил Николай.

– Как и в советские времена, чтобы вести разработку высших лиц государства, в данном случае генералитета, нужна особая санкция, – голос Шумилова стал немного нервным, что для флегматичного Димы было редкостью. – Так вот, Нечаева и полковника решили ликвидировать. Косвенными, разменными фигурами стали уголовник Бурмен и наш Гриднев. Обоих использовали как отвлекающие цели. Бурмен теперь мертв, его использовали, чтобы неожиданно открыть огонь, а вот что хотят от Гриднева?

– Свалить вину... – начал было Николай.

– Нет! – решительно прервал его Шумилов. – Точнее – не только это. Если над всем этим стоит генерал Островной и другие высшие чины, то акция многоходовая.

– А что второй опер? Астафьев? Кате он показался более симпатичным, – вставил Водорезов, вспомнив игру эмоций на лице девушки, когда она в подробностях описывала все происшедшее.

– Астафьев – мужик неплохой, – ответил Дима. – Мы лет восемь назад вместе с ним повязали банду торговцев оружием. Заурядных уголовников. Но сегодня он в полной власти у семейства Островных. Четыре года назад Леша Астафьев ехал поздно вечером в электричке. Туда ввалилась пьяная малолетняя шпана. Ублюдки, семь человек, причем совсем не подросткового вида. Стали приставать к каким-то девчонкам. Причем не просто приставать – главарь этих ублюдков объявил, что их обеих сейчас изнасилуют. Даже не в тамбуре, а прямо на вагонной лавке. В вагоне было еще человек десять, но кроме Леша, никто не вступился, что и понятно. А у Астафьева с собой оказался табельный «ПМ» с полным боекомплектом. Леша

предложил им угомониться, они пообещали угомонить его самого и приготовились приступить. Короче, главаря Леша застрелил, еще одному врезал стволом так, что своротил челюсть, остальные разбежались. Потом выяснилось, что погибшему ублюдку не было еще и семнадцати... Астафьева сразу же взяли под стражу. Перед тем как сесть в поезд, он выпил бутылку «Балтики»-«девятки», и ему светило лет двадцать как минимум. Генерал Островной сумел вытащить его из тюрьмы и даже восстановил в МВД. Сейчас Астафьев хоть и майор, но находится в подчинении у племянничка Островного, того самого Дэна. Нет, на Астафьева пока рассчитывать не приходится.

«Мой дядя самых честных правил...» – пронеслось у Водорезова в голове. Но этот дядя самых честных правил совсем не в том смысле, который приписывал Александр Сергеевич онегинскому родственнику. Этот дядя *правил* многих, в том числе самых честных, и не только правил, но и фабриковал на них уголовные дела. На самых честных.

– Найти бы «бойцов» того «СОБРа», – вслух проговорил Николай. – Их ведь тоже подставили...

– А это мысль, – согласился Шумилов. – Их тоже использовали втемную. Они планировали наезд на Буру, выстрелы раздались совершенно неожиданно и для них... Вот что, Коля. Сейчас мы с тобой отправимся в одно интересное место. Поищем тот самый «СОБР». Держи!

Дима протянул Водорезову шапочку-полумаску с прорезями для глаз и небольшой похожий на зажигалку предмет.

– Шокер, – пояснил Шумилов, – обеспечивает легкий нокаут.

– Легкий нокаут я могу обеспечить и сам, без подручных средств, – ответил Николай, но «зажигалку» взял. И тут же задал вопрос: – Как тебе госпожа Терентьева?

– Никак, – пожал плечами Шумилов. – Молодец, конечно, честная девица. В случае чего возьмем под охрану. Поехали!

Шумилов оставил свой джип на охраняемой автостоянке. До нее проехали километров тридцать от МКАД. Далее километров восемь Николай и Дима прошли на своих двоих. Свернули в лес, довольно лиственный и густой.

– Надевай! – распорядился Шумилов, облачаясь в маску-ниндзя.

Водорезов последовал его примеру. Маски-шоу, конечно, не десантный стиль, но спорить с Шумиловым он не стал. Все равно реактивного пехотного огнемета «Шмель» под руками не было. Попробуем обойтись «зажигалкой» и собственными кулаками.

После «беседы по душам» с Островным и его помощником кикбоксером Гриднева неожиданно перевели в другую камеру. Без объяснений, молча, конвой из трех рослых сержантов сопроводил Сашу в самую дальнюю камеру, замыкающую длинный прямой коридор изолятора. На сей раз камера была не одиночной, а новым соседом Гриднева оказался молодой дяденька. Раздетый до пояса (что неудивительно, так как в изоляторе царила тяжелая жара), с мощными плечами, которые украшали синие, вытатуированные эполеты времен самодержавия. Саша не слишком хорошо разбирался в знаках различия императорских войск, но «погоны» у сокамерника были никак не ниже полковничьих. Саша поздоровался, назвал свое имя. Сокамерник лишь вяло кивнул.

– Ты Рамзес? – выждав паузу, неожиданно спросил Сашин сосед.

– Чего? – не понял Гриднев.

– Не переспрашивай, – грубо отозвался сокамерник, – непонятливых не люблю. Рамзес – это тот, кто под погонами. Но не под синими, как у меня, а под «рыжьем» шитыми.

– Считаю, бывший Рамзес, – ответил Саша.

– Надеюсь, не мент?

– Нет, десантные войска.

Задавать очередной вопрос Саша не стал. И так ясно, что о его прошлом этот серьезный дядя узнал либо от «болтливых» охранников, либо по бессмертному «тюремному радио».

– М-да... С ментом мне разговаривать в падлу, а с десантником вроде ничего. Физию-то тебе где так отрихтовали?

– Нгоэ-Ло, – честно ответил Саша.

– Не у нас, – немного подумав, отозвался сокамерник.

– Точно, – кивнул Саша.

– Я Сенатор, – неожиданно представился сосед. – Но лучше называй меня Глеб Виссарионович. Слышал обо мне?

– В Древнем Риме самые верхние так себя называли. Выше них уже никого не было, – ответил Саша. – А при Петре Первом это еще и высший судебный орган.

– Точно! И у меня что-то вроде этого. Верховный арбитражный суд по понятиям, – впервые позволил себе усмехнуться Глеб Виссарионович. – Отдыхай пока, Саша-Рамзес.

Гриднев расположился в своем углу, на указанном Виссарионовичем койко-месте. Рядом было узкое зарешеченное окошко. Глеб Виссарионович молча подошел к нему, оказавшись таким образом за Сашиной спиной. Гриднев уже хотел улечься на тюремную кровать и предаться размышлениям, как вдруг получил сильный удар в голову. Имеющий рукопашный опыт и хорошо держащий удар, Саша не отключился сразу, но второй точный удар в область шеи лишил Гриднева способности к сопротивлению. Именно так, врасплох, менты захватили Сашу в нескольких метрах от того злосчастном кафе.

– Вольно, Рамзес!

Сознание возвращалось, и Гриднев услышал властный голос Виссарионыча-Сенатора.

– Вот теперь поговорим!

Саша почувствовал, что его горло схвачено удавкой из твердого материала и что таким образом Сенатор сумел обездвижить его, капитана Гриднева. Саше знакома была такая «технология», но, как оказалось, пожилой уголовник также имел определенный навык и сноровку. И главное, сумел застать Гриднева врасплох.

– Тебя зачем ко мне перевели? – спросил Сенатор, слегка ослабив удавку.

– Не знаю, – только и смог вымолвить в ответ Саша.

– Я – Сенатор, гнида погонная! – продолжил Глеб Виссарионович, вновь сдавив Гридневу горло. – Ко мне простых «соседей» не подселяют. Удавлю, мразь мусорская.

С этими словами Саша получил сильный удар под ребра. Кулаки у Сенатора оказались настоящими кувалдами.

– Сенатор, не надо... – прохрипел Саша, – скажу...

Удавка вновь ослабла. И тут Саше удалось просунуть под нее ладонь, а второй рукой (точнее, локтевым сгибом) приложить Сенатора. Такой удар Гриднев, как и другие офицеры спецразведки, отрабатывал специально и не один день. Без размаха, в стесненных условиях он позволял отбить неожиданное нападение сзади. Виссарионович охнул и, несмотря на свое мощное телосложение, отпрянул назад. Теперь Саше ничего не стоило одним движением освободиться от удавки. Уже в развороте Гриднев ногой нанес Виссарионовичу круговой удар. Сенатор устоял. Отступил, но готов был продолжить схватку. В его толстых, синих от татуированных «перстней» пальцах сверкнуло узкое бритвенное лезвие. Саша в свою очередь сделал полшага назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.